

Светлана Бестужева-Лада

Подмененный император

Альтернативная история

Светлана Бестужева-Лада

**Подмененный император.
Альтернативная история**

«Издательские решения»

Бестужева-Лада С. И.

Подмененный император. Альтернативная история /
С. И. Бестужева-Лада — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836676-5

Русский военный переводчик в Сирии попадает в районе Пальмиры в безвыходную ситуацию: его окружает отряд боевиков. По рации он передает свои координаты в штаб и требует стрелять точно по ним... Когда он приходит в себя, то обнаруживает, что на дворе восемнадцатый век, он — в России и... в теле юного императора Петра Второго, взошедшего на трон за неделю до этого.

ISBN 978-5-44-836676-5

© Бестужева-Лада С. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Случай в Пальмире	6
Глава вторая. Очевидное – невероятное	12
Глава третья. Новые порядки	19
Глава четвертая. Бумаги и люди	23
Глава пятая. Судьба Светлейшего	29
Глава шестая. Вшивая принцесса	35
Глава седьмая. Дела государственные и дела семейные	41
Глава восьмая. Начало заговора	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Подмененный император
Альтернативная история
Светлана Игоревна Бестужева-Лада

© Светлана Игоревна Бестужева-Лада, 2017

ISBN 978-5-4483-6676-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Случай в Пальмире

Петр убил еще одного, особенно наглого слепня, пытавшегося пристроиться на его щеке, и негромко выругался. Мало того, что донимает жара, а воздух, кажется, состоит из мельчайших частичек пыли, так еще и эти твари. Нет, уж если не повезет, то не повезет во всем. Какой идиот решил, что Пальмира уже полностью освобождена? И почему военному советнику, при особе которого Петр состоял переводчиком, нужно было сломя голову мчаться из относительно спокойного и прохладного Дамаска в это адское пекло?

А его самого за каким чертом понесло в одиночку рассматривать древние руины? В Москве он никогда не замечал за собой тяги ни к древностям, ни к истории вообще. Но делать в предстоящие три часа ему было решительно нечего: начальник уединился «для послеобеденного отдыха» со сговорчивой медсестричкой, а ему разрешил быть свободным – «до восемнадцати ноль ноль». Что он Пальмире, что ему Пальмира?

Но зато потом можно будет небрежно пробросить при случае, что был-де я в этой самой Пальмире. Песок и руины. Какую красоту загубили, сволочи! Причем – абсолютно бессмысленно загубили. Бандиты они бандиты и есть, хоть и величают себя «воинами Халифата». Удивительно, что они вообще такое слово знают.

– Сейчас у Пальмиры под контролем террористов осталась одна высота, на которой располагается древняя цитадель, – просветил на днях «штабного» военный корреспондент одного из российских телеканалов, который – вот же бедолага! – уже три недели сопровождал штурмовые отряды в этом районе. – Отряды ополчения «Соколы пустыни» сейчас штурмуют крепость с нескольких сторон, но им приходится работать без поддержки авиации. ВКС России не наносят удары по цитадели, чтобы сберечь памятник. Сам город практически полностью блокирован. Но говорить о том, что он взят, пока рано. Боевики не спешат покидать Пальмиру. Так что лично мне непонятно, зачем вы сюда приперлись. Не дай Аллах, пристрелят.

– Начальство так решило, – уклончиво ответил Петр. – А с ним спорить... сам знаешь.

– Как не знать, – усмехнулся военкор. – И давно ты так... воюешь?

– Скоро три года, как приехал. Но все больше в Дамаске. Основные переговоры-то там проходят. Тут все больше бомбят и стреляют – переводить нечего.

Тут он немного слукавил, поскольку, помимо Дамаска, повидал довольно много: уж очень охочим до древности оказался его начальник. Военный советник в свое время закончил Институт Стран Азии и Африки, но... с персидским языком. Это, впрочем не мешало ему смотреть на Петра – выпускника Института военных переводчиков – как на представителя более низкого сословия.

Нормально. Попал бы сюда каким-то чудом выпускник МИДа, смотрел бы на советника сверху вниз, ибо МИД – престижнее, это каждый первокурсник знает. А военные переводчики – это рабочие лошадки, низшее звено, хотя и по-арабски бегло говорят, и стреляют хорошо, и гранату при случае могут в цель кинуть, а при бомбежке спокойно ищут надежное укрытие, а не бросаются в первый попавшийся сарай.

Да, наездился он сразу после выпуска по Ближнему Востоку. Знающие люди говорят, что в мире остался единственный восточный город с аутентичной древней застройкой – это Старый город Дамаска. Сначала был уничтожен Старый Багдад, а потом пришла очередь древнего сирийского Алеппо.

Как в насмешку в 1986 году ЮНЕСКО внесла Старый Алеппо с его домами, построенными в 14–16 веках, в список объектов Всемирного наследия. Одни западные организации помогали сирийскому правительству бережно вписать древние кварталы в современный мегаполис, другие помогали тем, кто устроил в этом музее под открытым небом кровавую современную войну с артиллерией.

Слух о том, что «руси» едут смотреть Старый город летел впереди них со скоростью электромагнитных волн, от поста к посту, от рации к рации. Согласно довоенному путеводителю, который удалось раздобыть в гостинице, первую остановку сделали возле площади Баб Аль-Фарадж, возле башни с часами, построенной австрийским архитектором в конце 19 века. И дома вокруг в прелестном «колониальном стиле», серьезно попорченном осколками.

На некоторых балконах – куски пластика с маркировкой ООН. У них двойное назначение. Снайпер не видит свет в квартирах, а посторонние не могут глазеть на благочестивых женщин, которые тут проживают. От площади лучами во все стороны расходятся улицы. Они просматриваются до горизонта, вот только стоять на них не рекомендуется, лучше жаться к стенкам.

Первые, относительно свежие кварталы Старого города плотно изрисованы сирийской государственной символикой. Причин несколько. Во-первых, так демонстрируется верность Сирии. Во-вторых, во время боев в этих диких лабиринтах, разрушающих своими хитросплетениями все представления о школьной геометрии, проще ориентироваться. Сразу видно, пересек ты линию фронта или нет. Местные не советовали двигаться дальше самостоятельно. Пришлось ждать проводника.

От скуки фотографировали вывески на русском языке – их здесь очень много: «Нижнее белье», «Обувная мастерская»... В здании без крыши, застыл искалеченный осколками Пегас, из-под рухнувшей штукатурки вылезли совершенно античные арки, высокие и воздушные, облицованные желтоватым полированным мрамором. Древние арки устояли, а относительно-современная крыша и перекрытия – нет.

Возле Пегаса валяется вывернутый наизнанку газовый баллон с приваренным к нему хвостовиком. Любимый боеприпас боевиков, обладающий страшной разрушительной силой и почти отрицательной точностью. Такие баллоны запускают с изношенных танковых стволов или самодельных станков – просто, в сторону противника. Впрочем, для людей, устроивших войну в музее, все это не имеет никакого значения, более того, экспонаты по их мировоззрению должны быть уничтожены – это все запретное язычество.

Проводником оказалась девушка-ополченец. Зовут ее Роза, фамилия Асад, сама родом из Латакии и воюет здесь уже три года. По специальности Роза – сапер, при этом здешние лабиринты она знает наизусть. Солдаты с блока, на котором мы коротали время, говорят Розе совершенно серьезно, без улыбочек:

– Роза, это руси, они наши братья! Сбереги их!

И Роза во время этой экскурсии, прилежно показывает нам, где нужно пробираться по стеночкам, а где перебегать пригнувшись. Где до боевиков 30 метров, а где десять...

На секунды застываем в створе некогда красивейшей площади Алеппо – «Площади семи фонтанов». И ныряем за противоснайперские щиты и полотнища. Из-под ног разбегаются совершенно одичавшие породистые коты. Волнами накатывают запахи городской войны. Вековая штукатурка отбитая пулями, пахнет пыльными, заброшенными библиотеками и неопрыатыми старухами. Тянет военными городскими кострами из ДСП, пластиковых плинтусов и пустых бутылок. Но главные тона в этом составном аромате – бездымный порох и человеческие экскременты.

Вслед за Розой мы выходим к Цитадели. Это сердце города, оно начало биться в 10 веке. И только потом, в 14 веке, у стен крепости появился Старый город. Мы сидим за стеной баррикады из песка, камней, холодильников и стульев в стиле «барокко» и разглядываем крепость. Судя по бликующему стеклу прицела или бинокля, Цитадель рассматривает нас. В крепости до сих пор держится гарнизон из солдат и ополченцев. Снабжают их по системе древних и новых подземных ходов. Один из них начинается прямо у наших ног. А вокруг, насколько хватает глаз – бесконечные поля из бетонных и каменных холмов. По словам Розы, Цитадель спасла город: если бы крепость не удержали, Алеппо пришлось бы оставить. Из Цитадели

можно простреливать все основные улицы, она на господствующей высоте. Но крепость выстояла, и теперь уже вряд ли ее удастся захватить. Все изменилось.

Извилистым горным серпантином едем в село Айн Эльбет в провинции Хама. Ещё недавно в окрестных деревнях хозяйничали боевики. В Айн Эльбет их не пустили ополченцы, они несколько лет держали оборону – от всех, в том числе и от правительственных войск. Теперь село, превратившееся в карликовое государство, должно стать местом подписания «мирного договора» между правительством Сирии и старейшинами девяти населённых пунктов.

Когда больше трех лет назад Петр приехал в Сирию, для него стало огромным сюрпризом, что гражданская война практически не имеет линии фронта. Она может начаться везде и в любой момент. Через неделю после его приезда российское посольство в Дамаске достаточно благополучно пережило один из крупнейших терактов времен сирийской смуты. На оживленной трассе, проходящей вдоль посольства, взорвался автомобиль начиненный взрывчаткой – почти полтонны. Еще один микроавтобус с бомбой из 400 килограммов тротила не взорвался. Первый взрыв, по счастью (если такое слово здесь применимо), убил второго смертника.

Посольство оказалось в пяти километрах от эпицентра – ударная волна чуть качнула здание, звякнули стекла. А уже за километр до места теракта, на асфальте валялись оторванные руки, куски тел и обломки машин. Что творилось на самом шоссе в утренний час-пик трудно описать словами. Осыпались даже фасады домов.

Досталось и российским дипломатам: взрывная волна прошла по посольству, выбив почти все стекла. Террористам даже не пришлось въезжать в строго контролируемую «зону безопасности». А спустя несколько месяцев обнаружилось, что живут-то практически на передовой. Боевики захватили район Джобар, и до линии фронта оказалось рукой подать – всего то четыре километра.

Вот вам и «спокойная жизнь в тылу» с работой исключительно за столом переговоров.

Впрочем, консульский отдел не закрывался даже в те дни, когда казалось, Дамаск вот-вот падет... Вот они – герои невидимого фронта.

Поселили их с советником в Старом городе, в отеле «Агинор». Отель больше был похож на музей восточного искусства, вся мебель антикварная, дерево, резьба, роспись, камень. Ванна вырублена из цельного куска мрамора. Через год «Агинор» окончательно закрылся – туристы больше не ездили в Сирию, а они остались практически единственными постояльцами на самообслуживании. И, как подозревал Петр – сторожами по совместительству: хозяева пытались сэкономить на охране, а при советнике, кроме переводчика, было четыре охранника.

Гнилой весной 2012 года все в одночасье свалились со страшным гриппом, но местные лекарства поставили их на ноги за сутки. Противопростудный набор стоит копейки – государство дотирует и регулирует работу фармацевтики. Производство лекарств местное или лицензионное – признак высокоразвитого государства, по современным меркам.

И все это – в прифронтовом городе. В Хомсе, по российским меркам – рукой подать – уже несколько месяцев шли страшные бои. Власти не пускали журналистов на фронт – нечего показывать. Петр поехал в Хомс на свой страх и риск, из чистого любопытства, купив билеты на междугородний автобус. Автобус шикарный, билет стоит 2,5 доллара, в дороге кормят. Водитель высадил пассажиров у района Баб Амру, где в этот момент идут бои. Рядом – мирно дымил какой-то нефтехимический заводик.

«Паломника» подобрала полиция, угостила кофе, привезла к себе в участок. Участок – точно на линии фронта, стены тряслись от взрывов. Начальник полиции пошутил:

– Это гром, скоро будет дождь.

Шутники... Вечерами, в гостинице от скуки включали телевизор – только местные каналы. Нон-стоп шли похороны военных. Потери ужасающие, но об этом можно только дога-

дываться. И только теперь, спустя несколько лет стало известно, что сирийская армия за годы войны потеряла половину списочного состава – ранеными, убитыми и дезертирами.

Как-то ночью боевики ворвались в офис государственного телеканала «Аль-Ихбарийя». Поставили к стенке дежурную смену – монтажеров, сторожей и корреспондентскую группу. Расстреляли, а потом подорвали офисное здание, монтажные и студию. Телеканала больше нет. Только разлив крови у стены, истыканной пулями, и дымящиеся обломки.

По городу бродили слухи, что в Дамаск вот-вот войдут боевики. В районах на окраинах шли интенсивные бои. Ночами было видно, как с вертолетов лупят красными трассерами по городским кварталам. С земли отвечали теми же красными трассерами.

Со временем привыкли.

Они еще шутят, окончательно запутался тогда в местных реалиях Пётр. В Дамаск его отправили на полицейской машине. Советник так и не узнал об этой «самоволке», иначе неприятностей было бы – не оберешься. Но Пётр вообще считал себя удачливым.

В институт военных переводчиков поступил, шутя: двадцать баллов из двадцати, хотя и пятнадцать гарантировали поступление. Но вместо турецкого отделения, на которое Пётр мечтал попасть с одной-единственной целью: поражать барышень при поездках на отдых в Анталию, ему досталось арабское отделение.

– Там же постоянные войны, Петруша! – ахнула мать, когда узнала. – Тебя пошлют на фронт.

– Там нет никакого фронта, мама, – терпеливо объяснял Пётр. – Есть локальные конфликты, которых гораздо меньше, чем военных переводчиков. Успокойся. Скорее всего, распределение я получу в Генштаб – бумажки переключивать.

И все, собственно, к этому шло, пока Россия не решила покончить с бандитским государством рядом с Сирией. Какой бы ограниченный контингент войск туда ни посылали, переводчики при нем, а главное, при военных советниках были необходимы.

В июле Пётр получил диплом – красный! – а в конце сентября члены верхней палаты единогласно проголосовали за предложение президента Владимира Путина о вводе российских войск в Сирию.

Россия и Сирия заключили соглашение о размещении авиагруппы РФ в САР на бессрочный период. А Петру предложили быть в любой момент отбыть к месту прохождения службы на Ближнем Востоке.

Не зря говорят: материнское сердце – вещун. Всего-то пару месяцев и пришлось перебирать бумаги в Генштабе...

А теперь у сирийской авиации в достатке появилось и топливо и боеприпасы. В среднем с интервалом в час, авиация бомбит позиции боевиков с вертолетов и самолетов. Активные наступательные действия боевиков под Дамаском прекратились еще осенью.

Как раз незадолго до командировки Петра в «спокойную» Сирию Дамаск заплели блоками в неожиданных и ключевых местах. Появились кочующие блоки – мужчины в дешевых черных костюмах, белых рубашках и с автоматами в руках вдруг возникают на перекрестках и начинают досматривать машины. Это «махабарат», местная госбезопасность. Но, в городе все равно продолжались теракты. С кочующих минометов обстреливались входы в шиитские мечети, сразу после окончания вечерней пятничной молитвы. Подрывались смертники и минированные автомобили...

Какой там израильско-палестинский конфликт! А мировая пресса точно не замечала кошмара, скрупулезно подсчитывая каждый выстрел с территории Палестины и Израиля.

Тем не менее, Министерство обороны вдруг разрешило посетить загадочную и легендарную «российскую военную базу в Тартусе». На дороге, идущей в Латакию, уже «пошаливали», и их везли под внушительным конвоем. База оказалась ПМТО – «Пунктом материально-технического обеспечения». В наличии пустая казарма. Давно усопшие грузовики, зеленая краска

на них выгорела до желтизны, резина на скатах растрескалась. Севастопольский пес Пират в будке, дерзкий кот с шальными глазами не дается в руки. У пирса покачивалась плавамастерская со станками пятидесятих годов. Пётр спросил старпома – почему станки не поменяют?

Он развел руками:

– Дак тогда весь корабль разбирать придется...

Уже задним числом, осенью 2015 года, Пётр понял смысл этого визита на базу – показали всему миру, что вмешиваться в сирийский конфликт не собираемся. Мир удивился потом, но было поздно.

Что сейчас находится на базе Тартус, никто не знает. Известно лишь, что там провели дноуглубительные работы. Все остальное – военная тайна.

Городской район Дарайа. Полугодовой штурм площади с мечетью принес свои плоды, район частично освободили. Вкушать этих плодов не хочется – городские кварталы просто превратили в серую пыль. Она похожа на просеянную муку, ноги погружаются в нее по щиколотку.

Правительственное агентство сообщает, что атаки боевиков на Маалюлю, сакральный, христианский центр Ближнего Востока, успешно отбиты. Бандиты отброшены. В реале из Маалюлю в панике бежала армия. Последними отходили христиане-ополченцы. Им некуда было бежать, здесь их дома. Сирия продолжала балансировать на чудовищных качелях тотальной гражданской войны.

Понятно, что без вмешательства третьей силы здесь не будет развязки, не будет победы, не будет переговоров. Ничего не будет. Страна просто уйдет в песок, как уходили до нее бесследно древние и могучие царства и целые цивилизации. Осенью 2013-го никто не верил, что мы вернется в освобожденную Маалюлю через полтора года, и будет ходить среди святынь не пригибаясь.

Тем не менее, это случилось. И Пальмиру практически освободили. И вот теперь Пётр сдернулся в очередную самоволку пощелкать то, что осталось от города-музея. Если бы еще слепни так не досаждали...

А ведь была еще «нотная грамота» вторжений Запада – провокация с применением химического оружия армией Асада. Потом – «закрытое небо» и демократические «освободительные» бомбежки военных объектов и инфраструктуры. Все, как всегда. И тут Путин принял решение ввести российские войска. В смысле – авиацию. И шаблон резко сломался.

Одновременно с началом активной военной помощи ВКС России, сирийская армия начала наступательную операцию в районе Джобар, медленно, но упорно отодвигая линию фронта от Дамаска. Ни о каком прорыве боевиков в Дамаск из Джобара речи больше не было...

Краем глаза Пётр зафиксировал какое-то движение на периферии, повернулся, глянул в бинокль – и обалдел. С востока прямо на него перла нехилая орда боевиков, сколько точно – считать некогда. Та-а-к. Приплыл, турист?

Бежать глупо – пристрелят мгновенно. Не бежать еще глупее – поймают и будут «допрашивать». Результатов таких «допросов», когда от человека оставалось «нечто», Пётр уже насмотрелся вдоволь. И под местного не закосишь: не бывает арабов-блондинов с голубыми глазами и ростом метр восемьдесят. К тому – в русском обмундировании.

Застрелиться? Ну, это всегда успеется. Пётр лихорадочно осмотрел развалины на предмет какого-нибудь укрытия и обнаружил под мраморным основанием проем, в который вполне можно было протиснуться. Но как бы не факт, что через четверть часа такая же идея не придет в голову какому-нибудь из боевиков.

Значит, надо умирать, но – с умом и желательно героически. Как погиб пару недель назад парнишка-офицер, который погиб *«при выполнении специальной задачи по наведению ударов российских самолетов на цели террористов» в районе Пальмиры. Военнослужащий в течение недели «выявлял важнейшие объекты террористов, выдавал точные координаты для нане-*

сения ударов российскими самолетами и... вызвал огонь на себя, после того, как был обнаружен и окружен».

Пётр специального задания не выполнял, то есть вообще мог схлопотать недельку гауптвахты за свою прогулку, но то, что минут через десять он будет окружен – к гадалке не ходи. Значит, нужно вызывать огонь на себя, точнее, на боевиков, а самому забиться в эту щель под развалинами. Бог не выдаст, свинья не съест. Да и перед уходом видел своими глазами, как два «грача» прогреваться готовились. Хорошо, хоть рацию прихватить догадался. Не Бог весть что, но добьёт.

– Гнездо, толмачу. Гнездо, толмачу. Прием.

– Толмач, гнезду. Что у тебя? – голос начальника, явно снятого с медсестрички, ничего хорошего не предвещал.

– Песец на мягких лапах, причем толстый. До батальона духов при двух «коробочках», плюс тачанки.

– Уеживай оттуда, дебила кусок!

– Щаз. Позднйак метаться, они с охранением. Уже обошли, дернусь – срисуют, мяу сказать не успею.

– Твою же...

– Грачи ушли?

– Нет, выреливают пока

– Тогда давай по моим координатам. Комплекс небольшой, не промажут. Храм вот жалко, но от него все равно почти ничего не осталось.

– Допрыгался, переводчик через лужу? Сам что, флагом махать будешь и кричать «Христос акбар»?

– Вроде есть куда ныкаться.

– Ну, смотри. Выживешь – плевать что офицер, будешь весь срок сортир зубной щеткой чистить. Своей. Все, время пошло. Ищи пятый угол.

Пётр молча щелкнул тангентой и быстро полез в спасительную щель. Там было места – ровно на одного. Если, конечно, коленки к животу подтянуть. Не самая удачная поза для героической смерти, конечно.

А потом пришел звук. Безобидный, как в детстве на даче возле аэропорта. А потом небо превратилось в камень и обрушилось на голову. Конкретно.

Дальше была глухая ватная темнота.

Глава вторая. Очевидное – невероятное

Сознание возвращалось постепенно. Он еще ничего не видел вокруг себя, но чувствовал, что лежит на чем-то гораздо более мягком, чем прокаленная солнцем земля Пальмиры. И тишина вокруг была – полная.

«Завалило, – отрешенно подумал Пётр. – Завалило наглухо и контузило, ясное дело. Хорошо, если догадаются пошарить под развалинами...»

Голова у него все-таки побаливала, теперь он это ощущал. Терпимо, но побаливала. Он попробовал пошевелить руками и обнаружил, что делает это совершенно свободно. Уже хорошо. Попытался дотянуться до верхней плиты – рука ушла в пустоту. Это уже становилось интересным.

Глаза привыкли к темноте и он стал кое-что различать. Например, неяркий огонек на расстоянии от него. Определить природу этого явления Пётр не смог, и на всякий случай полежал еще немного с закрытыми глазами. Потом предпринял попытку ощупать себя на предмет возможных повреждений, и чуть не завопил от страха.

Мало того, что он был по плечи прикрыт мягким и теплым одеялом, так под ним уверенно прощупывались контуры фигуры... ребенка. Не грудного, слава Богу, но уж точно не мужчины в расцвете сил.

«Последствия контузии, – успокоительно подумал Пётр. – А одеяло – так это я в медсанчасти лежу. Раскопали, стало быть».

Он снова открыл глаза. Возможно, раскопали. Но находился он точно не в медсанбате. Скорее в больнице типа санаторий. Хотя... что-то он не слышал о таких больницах-санаториях, где наволочки подушек были бы обшиты кружевами.

«Глюки, – обнадежил себя Пётр. – Стопудово – нормальные глюки после контузии».

В помещении стало как-то светлее, и Пётр заметил, что слабый свет просачивается через что-то, прикрытое тканью. Не дневной свет, скорее – рассветный. Значит, скоро утро. А утро вечера... правильно, мудрёнее.

Через какое-то время обнаружилось, что Пётр лежит на широченной кровати с какими-то столбиками по углам и шатром сверху, что под ним – очень мягкий матрас (а может, и не один) и что огонек в дальнем углу – это лампада перед какой-то иконой.

«Цветной, широкоформатный глюк в формате блюрей, – утвердился в своих догадках Пётр. – И вижу я его либо под землей, поскольку меня еще не нашли, либо на поверхности земли, поскольку меня откопали и поместили... Вот только куда поместили? А-а-а, меня наверняка оперировали! Это наркоз отходит. Ну и пусть себе отходит, а я пока еще посплю. Голова-то болит».

Сказано – сделано. Пётр устроился поуютнее на боку, подумал – и вообще свернулся калачиком и сладко заснул. Что бы там ни было, боевики пленным наркоз не вводят, у них другая анестезия – ножом по горлу или пулю между глаз. Так что можно расслабиться и в кой веки раз выспаться. Благо, тишина – абсолютная.

Следующий раз он проснулся от странного звука: было полное ощущение, что где-то звонят колокола. В комнате прибавилось света, и Пётр разглядел вычурную белую мебель, ковер на полу и прочие прибабасы. Оставалось выяснить, что за окном, которое уже явственно обозначилось за занавесками.

Он откинул одеяло, спустил ноги с кровати и обомлел. Взору его представились две худенькие и не слишком чистые конечности... мальчишки, но уж никак не ноги сорок шестого размера лейтенанта Петра Романова. И руки были детские – с обкусанными ногтями, узкими ладошками и полным отсутствием мускулатуры.

Остальное, как говорится, соответствовало. Пётр с опаской заглянул под надетую на него ночную сорочку (разумеется, с кружевами) и с некоторым облегчением убедился, что его мужское достоинство, по крайней мере, не пострадало. То есть не слишком пострадало: по сравнению со всем остальным было достаточно развитым.

«Мамочки мои! – мысленно взвыл Пётр – Это в кого же меня превратили? И кто я такой теперь?»

Он пересек комнату и раздернул тяжелые занавески на окне. Снаружи почти под окном текла какая-то речка и пышно зеленели деревья на другом ее берегу. И что?

Он дернул за ручку окна, но она не поддавалась. Присмотревшись, Пётр обнаружил, что окно законопачено по-зимнему, отчего в комнате было, мягко говоря, душно. И жарко. К тому же Петру не нравился собственный запах: похоже, прошлый раз он мылся пару месяцев тому назад. Или пару лет.

Часы прозвонили внезапно: Пётр даже вздрогнул от неожиданности. Оказывается, они стояли напротив кровати на какой-то затейливой подставке. Шесть часов – замечательно, потому что довольно скоро должен кто-нибудь появиться. Или – теплилась надежда, что дверь распахнется и в комнату ввалятся его приятели по службе с гоготом:

– Классно мы тебя разыграли?

Правда, надежду эту на корню убивал, во-первых, внешний вид самого Петра, а, во-вторых, вид из окна. В Сирии таких пейзажей не бывает по определению, а в Россию его вряд ли поволокли, хоть раненым, хоть контуженным и уж тем более – мертвым. Поскольку Пётр начал задумываться над тем, жив ли он вообще на привычном свете. Может быть, он уже на ТОМ? Точнее, его душа переселилась в полном соответствии с известной теорией.

Успокоиться на этой мысли мешало только то, что чувствовал и мыслил он как двадцативосьмилетний мужик с высшим военным образованием и званием лейтенанта Генштаба, а не как мальчишка лет тринадцати. Зеркало, во всяком случае, отражало именно пацана примерно такого возраста – худого, довольно высокого, узкоплечего, зато с роскошными золотыми локонами. Как раз к кружевам на ночной рубашке.

«НЕТ, КОРОЧЕ, ВО ЧТО Я ВЛЯПАЛСЯ?!?»

Пётр обнаружил на прикроватной тумбочке кувшин с каким-то напитком и тяжелый хрустальный бокал. Налил где-то на четверть и с опаской попробовал. Квас, елки-палки. Очень даже неплохой квас, хотя теплый, зараза. Но если квас – значит, Россия, в других местах этот напиток не жалуют, во всяком случае, у кровати не ставят.

Так, а что у нас под кроватью? Под кроватью у нас... фига с маслом, если не считать шлепанцев. Быстро осмотрев по периметру комнату, Пётр не обнаружил ничего похожего на вход в туалет. Но грустил недолго, потому что догадался заглянуть собственно в тумбочку. Где искомый предмет – ночная ваза – и обнаружил. Тяжелый и – приколитесь, ребята! – кажется, золотой. Ну, это уже вообще...

«Может, я царь? Кто у нас в России в такие юные годы на золотой горшок ходил? Петруша, который потом стал первым? Хорошо бы, только масть не совпадает: великий реформатор и прорубатель окон в Европу был брюнетом. Ваня, ставший впоследствии Грозным? Опять же брюнет, да и часы с боем у него вряд ли были, не говоря уже о том, что спальенка отделана по-европейски. Остальные трон занимали в достаточно зрелом возрасте, кроме... кроме...»

Как-то на ночном дежурстве Петру попала забытая кем-то замусоленная книга Пикуля «Слово и дело». От скуки он ее прочел, даже с некоторым интересом, а на память никогда не жаловался. Был такой император-юнец в русской истории, один-единственный, но был. Пётр Второй Алексеевич, унаследовавший трон после супруги своего великого деда – Петра Первого. Блондинчик, в меру сублильный, большой охотник до выпивки и до баб. Тот еще персонаж, между прочим.

Умер глупо: простудился на охоте, а потом еще где-то оспу подцепил. Лечиться правильно не желал – ну и не вылечился. Дважды был обручен с девицами старше себя – Марией Меньшиковой и Екатериной Долгорукой. До свадьбы дело так и не дошло, обе «государыни-невесты» сгинули в сибирской ссылке. Жалко, конечно, девчушек...

Стоп. Это все его домыслы, построенные исключительно на золотом ночном горшке и квасе. Все может быть не так, не там, и не тот. Хотя бы пришел кто-нибудь, что ли, хоть какие-то сведения бы получить можно было бы. Интересно, во сколько у них тут подъем?

Чтобы отвлечься, Пётр скинул дурацкую ночную сорочку и голышом попытался проделывать самые простые упражнения из своей обычной утренней зарядки. Дыхалки хватило ровно на пять минут, а руки и ноги дрожали так, как будто он отмахал двадцать километров в полной выкладке по пересеченной местности. Вот ведь невезуха – до чего хлипкий мальчонка оказался. Как же он охотился, интересно? Про женщин – вообще молчок.

Наконец, Пётр отдышался после так называемой гимнастики и стал разыскивать, во что бы одеться. Голышом шариться было как-то некомфортно, а ночная рубашка с кружевами вызвала у него чувство глубокого и непреодолимого отвращения. Увы, его поиски успехом не увенчались и отвращение пришлось все-таки преодолеть.

«Ну, и долго этот цирк с конями будет продолжаться? – мрачно подумал Пётр, усевшись с ногами на кровать и обхватив руками колени. – Жрать, между прочим, охота. Интересно, тут у них завтрак полагается в постель или куда-то надо еще идти? Времени-то почти семь часов...»

Как бы в ответ на его мысли часы прозвонили семь раз и на последнем ударе дверь начала приоткрываться. Пётр замер, боясь шелохнуться.

В комнату бочком просочилась фигура невысокого полноватого мужика средних лет в белом завитом парике и какой-то диковиной одежде: штаны до колен, на ногах – чулки и туфли с пряжками, одет в какой-то пиджак типа камзола. Кто таков?

– Изволили проснуться, ваше императорское величество? – сладким голосом произнес посетитель. – Что-то раненько вы сегодня. Головка беспокоит?

Слава Богу, говорил он по-русски.

– Беспокоит, – мрачно ответил Пётр. – И не только головка. Кстати, с ней-то что?

– Изволили запомнить, государь Петр Алексеевич?

– Изволил. Я вообще ничего не помню.

– Лошадь-то понесла, когда вы с младшим Меньшиковым гонки устроили. Ну и ваше величество не усидели в седле-то. Слава Богу, легчайше отделались, там рядышком здоровый валун валялся. Вот ежели бы об него...

«Значит, я просчитал верно, – подумал Пётр. – Отрок-император, твою же дивизию! Что же мне теперь, перед Меньшиковым на задних лапках ходить, да потом еще с его дочкой обручаться? Вот это вряд ли...»

– Ты-то кто? – довольно грубо спросил он.

Круглое лицо посетителя омрачилось неподдельной печалью.

– И меня забыли, Пётр Алексеевич, светик наш? Ой, беда! Андрей Иванович я, Остерман, воспитатель ваш.

Это была хорошая новость. Остерман, кажется, был единственным человеком в этом гадюшнике, искренне привязанным к юному императору.

– Теперь вспомнил. Андрей Иванович, а почему я такой грязный?

Глаза Остермана расширились от изумления.

– Так ведь... ваше императорское величество... мытье-то не особенно жалуете... Ругаться изволите, ежели предлагают. Гневаетесь даже сильно.

Ну, это, по крайней мере, естественно. Ни один нормальный мальчишка мыться не любит. Только придется привычки менять, Петруша, негоже, чтобы от императора козлом несло.

– Больше не буду гневаться, Андрей Иванович. Наоборот: распорядись, чтобы мне в спа... в опочивальню каждое утро ставили ведро ледяной воды и таз. Как Александру Македонскому.

– Слушаюсь, – поклонился совершенно опешивший Андрей Иванович. – Только ваше императорское величество сегодня переезжать собирались...

– Куда еще?

– Так Светлейший приказал, чтобы вы у него проживали...

– Светлейший – это кто? – холодно осведомился Пётр, хотя и сам примерно догадывался.

– Так его светлость, князь Александр Данилович Меньшиков.

– Интересно, – протянул Пётр. – И с каких пор на Руси императорам **приказывают**?

– Так ему три коллегии и Сенат подчиняются...

– А я тут при чем? Пусть подчиняются... пока не додумаются, что подчиняться надобно одному лишь императору. В общем, никто никуда не едет, баню истопить сей же минут, а потом мне завтрак. И кофий.

– Вещи уже сложены, – почти взвыл Остерман.

– Прикажи разложить. А приедет Свет... Меньшиков – не принимать ни под каким видом. Сказать: государь делами наиважнейшими занят.

– Слушаюсь, ваше императорское величество. Все исполним. А я...

– А ты сегодня неотлучно при моей персоне будешь. Что забуду – напомнишь, где запнусь – подскажешь. Уразумел?

– Как не уразуметь, – бормотал Остерман, кланяясь и пятясь к дверям. – Сейчас распоряджусь – и тут же обратно, к вашей высокой персоне. Все исполню, не сомневайтесь.

Пётр и не сомневался. Разве что в том, что крутовато взял, с места в карьер. Ну, да у него голова ушиблена, на это многое списать можно.

Через полчаса он уже парился в небольшой баньке, причем прислуживали ему... две абсолютно голые девки, одна другой аппетитнее. То есть – вознамерились прислуживать, но Пётр быстро положил этому nepотpeбcтвy конец. Девочек выгнал в зашей, а явившемуся на шум Остерману закатил скандал:

– Что ж ты творишь, Андрей Иванович? Куда смотришь? Я еще в подобающие лета не вошел, а ты мне тут срамниц всяких подсовываешь. Зачем?

– Так ведь... ваше императорское... всегда сами требовали таких вот... попышнее...

– А ты и рад глупостям мальчишеским потакать. Женилка у меня, может, и выросла, только до кондиций нужных я еще не дошел. Или ты уморить меня вздумал до срока?

Остерман бухнулся на колени и непритворно зарыдал:

– Прости, Пётр Алексеевич раба твоего неразумного... Впредь – ни-ни. Только не извольте гневаться.

– Ладно, не изволю. Парнишку какого-никакого пришли, спину потереть. Долго я размываться не намерен. Позавтракаю потом.

– Как прикажешь, государь.

– Вместе с тобой позавтракаю. А потом к делам приступим.

Остерман, окончательно утвердившийся в мысли о том, что ушиб головы императора привел к каким-то коренным переменам в его характере, исчез за дверью. Вскоре Пётр, до скрипа отмытый благообразным отроком в белой рубахе и портах, вышел и направился обратно в опочивальню, где его тут же обрядили в белые чулки и панталоны с бантами над коленками, белые же башмаки с серебряными пряжками и шитый серебром белый камзол.

– Пожалуйте трапезничать, ваше императорское величество, – услужливо пригласил его ливрейный лакей в пудренном парике. – Господин Остерман вас уже ждут.

Действительно, Остерман сидел в столовой (во всяком случае, Пётр для себя именно так определил помещение) за накрытым на двоих столом. Только тут Пётр понял, насколько он на самом деле проголодался. Запахи над столом вились умопомрачительные.

– Ну, приступим, благословясь, – весело сказал Пётр и соорудил себе здоровенный бутерброд из мягчайшего белого хлеба и разных мясных деликатесов. – Ты давай, ешь, Иваныч, а то на пустой желудок думать трудно.

Проглотив первый – самый вкусный – кусок Пётр поискал взглядом на столе, чем бы эту благодать запить. Но узрел только графин, причем явно не с соком.

– Это что? – строго спросил он у Остермана, который только что слегка расслабился и поэтому чуть не подавился куском сыра. – К чему сей графин, когда я приказал кофию мне подать?

– Так ваше императорское величество завсегда с вином завтракали... – забормотал перепуганный Остерман. – А к кофию особой склонности не высказывали.

– Так вот сегодня высказал. И сахару не забудьте, чтобы не горько было. А вино – вон. Ты разума лишился, Андрей Иванович: малолетку спаивать?

Андрей Иванович стал совершенно зеленого цвета и начал бормотать про то, что, мол, так завсегда было... и Светлейший строго приказал не ограничивать в желаниях, а всячески им потакать... а с него, Остермана, какой спрос – он все больше по учебной части.

«Спаивали, значит, мальчонку, – зло подумал Пётр, барабанив пальцами по столу. – К разврату приохочивали. А к государственным делам готовить – зачем? Тут, похоже, Меншиков всем рулит, вот с него и начнем. Хватит, поцарствовал со своей любовницей, которую сам же и на трон подпихнул. Думает, что и впредь так же будет. А вот хрен вам всем, господа хорошие. Сам царствовать буду... со временем. Вот получусь, чему надо, и буду. Не глупее же я Елизаветы Петровны, которая двадцать лет Россией правила?»

Кофе принесли много – крепкого и ароматного, и Пётр слегка смягчился. Интересно, сколько времени он в императорах? Похоже, не очень долго, если Меншиков тут всем командовать пытается.

– Напомни, Андрей Иванович, как давно я державу принял?

Бедный Остерман уже ничему не удивлялся.

– Так ведь... послезавтра будет две недели, государь. Всего-то?!

– И чем я эти две недели занимался?

– Как – чем? Праздновать изволили ваше восхождение на престол. Вчера вот скачки устроили... после обеда знатного. Ну... и не удержались на лошадке-то.

Праздновал, значит? Все, напраздновался, государь-император всея Руси. Делами нужно заниматься.

– Какие-нибудь бумаги я за это время подписывал?

Остерман замотал головой.

– Не успели, государь. Третий день документ лежит о присвоении Светлейшему князю Меншикову титула генералиссимуса, ждет вашего решения.

– Это за какие же такие заслуги?

Остерман молчал.

– Сейчас у него звание какое, напомни.

– Генерал-фельдмаршал... Но есть еще трое: князь Михаил Голицын, князь Владимир Долгорукий и князь Иван Трубецкой.

– А Меншиков, стало быть, хочет выше других подняться? Обойдется. Где, говоришь, документ?

– Так в кабинете вашем, государь.

– Ну, так сей же момент туда и отправимся – с бумагами разбираться. Я, чай, не одна она там лежит.

– Остальные – у Светлейшего, – почти прошептал Остерман.

– Почему?

Ответа не последовало. Зато двери столовой с грохотом распахнулись и явился смутно знакомый Петру мужчина в годах, одетый в роскошный, шитый золотом и драгоценными камнями мундир и со множеством орденов.

«Меньшиков, – догадался Пётр. – Ну, сейчас главное – наглость и упрямство. Иначе он меня в момент вокруг пальца обведет и в своем дворце поселит. Фига ему с маком. Не поеду. Император я или и не император?»

– Ты что же, Петруша, делаешь? – с порога начал Меньшиков. – Мы тебя в моем дворце ждем, за стол не садимся, а ты тут с Остерманом прохлаждаешься. Негоже.

«Ну и хамло. Он что о себе возомнил-то? Я не дедушка покойный, чтобы его в уста сахарные целовать, да все прощать. Впрочем, я читал, что и дед его не раз дубиной своей охаживал. Распустился при покойной государыне, полюбовнице своей давней».

– Ты с кем разговариваешь, холоп? – ледяным тоном осведомился Пётр. – Я тебе не Петруша, а император всея Руси. И у тебя мне гостить – зазорно.

Меньшиков побагровел.

– Это... это ты – мне?

– Тебе, тебе, не сомневайся. Ты один со мной себе позволяешь дерзко вести. А сие холопу не подобает.

– Я не холоп, я князь!

– Князем тебя мой дед покойный сделал, которого ты, мерзавец, всю жизнь обворовывал. Удивительно, как он тебя не повесил – не успел, видно. Ну, это дело недолгое.

– Грозишься, шенок? Да за мной гвардия...

Ну вот, теперь самое время.

– Гвардия, говоришь? Гвардия мне присягнула совместно со всем народом российским. А ты из подлого сословия вышел – туда и вернешься. Не надобен ты мне. И не вздумай даже заикаться о том, чтобы я на девке твоей женился. За конюха ее выдавай – он ей ровней будет.

Меньшиков из багрового стал синюшнее-белым и... рухнул на пол без памяти.

– Врача надо скорее, – встрепнулся Остерман.

– Успеется, – охладил я его рвение. – Лучше охрану покличь. Пусть господина Меньшикова отвезут домой – под арест. Ему все равно постельный режим теперь понадобится. А мы пойдем бумагами заниматься.

Охрана не слишком удивилась приказу арестовать всесильного князя Меньшикова и поместить его в доме под надзором медиков и крепкого караула. Россия... Сегодня ты на самом верху, а завтра – хорошо если с головой на плечах в Сибирь отправился, остроги пересчитывать. Судьба, значит, такая.

А Пётр с Остерманом направились в соседнюю комнату, которая именовалась кабинетом. Книжные шкафы вдоль стен стояли полупустые, стол вообще был девственно чист, с одной-единственной бумагой. По-видимому, тем самым манифестом о присвоении Меньшикову звания генералиссимуса.

– Печку растопите, – велел Пётр. – Знаю, что тепло, она мне для другого надобна. А ты, Андрей Иванович, присаживайся, разговор у нас с тобой долгим будет. А может, и не только с тобой, как получится.

Остерман, который, похоже, уже ничему не удивлялся, осторожно присел на краешек кресла. Пётр же удобно устроился в другом и взял со стола злополучную бумагу.

– Повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сложить, – вынес он свой «вердикт», разобравшись в документе, написанном непривычным ему старорусским языком. – Из грязи в князи вылез, туда и вернется. Небось, и без него найдется, кому мне помогать державою править.

Печь как раз разгорелась и Пётр бросил в огонь красивый лист с печатями. Потом вернулся в свое кресло.

– Андрей Иванович, мы с тобой прекрасно понимаем, что сам я государством управлять не могу – мал еще. Но император – это символ верховной власти и негоже, чтобы его, как куклу, туда-сюда дергали. Помогать ему править Россией – дело другое, для того и был Верховный Тайный Совет создан. Заседал он хоть один раз во время моего царствования?

– Так когда же? – развел руками Остерман. – То Меншикову недосуг, то тебе, государь.

– Значит, сейчас вот и соберем, – решительно сказал Пётр. – Досуга у меня – хоть отбавляй, а к верховникам пошли курьеров, чтобы сей момент тут были. Усвоил?

– Сей момент ко всем трем князьям весть отправлю.

– Вот-вот. А мы пока моими личными делами займемся. Как ты, Андрей Иванович, образованием моим занимался?

Вместо ответа Остерман достал из шитого обшлага камзола две бумаги и протянул их Петру.

На первом листе был аккуратно составленный план обучения императора, состоявший из древней и новой истории, географии, математики и геометрии.

«Читать историю прежних времён, перемены, приращение и умаление разных государств, причины тому, а особливо добродетели правителей древних с воспоследовавшею потом пользою и славою представлять. И таким образом можно во время полугода пройти Ассирийскую, Персидскую, Греческую и Римскую монархии до самых новых времён, и можно к тому пользоваться автором первой части исторических дел Яганом Гибнером. Новую историю можно трактовать по приводу г. Пуфендорфа новое деяние каждого, и пограничных государств, представлять, и в прочем известие о правительствующей фамилии каждого государства, интересе, форме правительства, силе и слабости помалу подавать императору...»

Географию учить по глобусу... План обучения включал также и развлечения: бильярд, охота и прочее. По плану Остермана, Пётр должен был по средам и пятницам посещать Верховный тайный совет.

Вторая бумага была писана другим – корявым и полудетским почерком – и являлась ничем иным как личным планом Петра об его времяпрепровождении»

«В понедельник пополудни, от 2 до 3-го часа, учиться, а потом солдат учить; пополудни вторник и четверг – с собаками на поле; пополудни в среду – солдат обучать; пополудни в пятницу – с птицами ездить; пополудни в субботу – музыкою и танцами; пополудни в воскресенье – в летний дом и в тамошние огороды».

«Час в неделю на обучение – это круто, – подумал Пётр. – Другого мальчишку просто высекли бы примерно за такое нерадение. Но ведь император... Придется самому себе наряды вне очереди выписывать, если что... Учиться-то многому предстоит, ой, многому».

Глава третья. Новые порядки

– Значит так, Андрей Иванович, – начал Пётр. – Учился я из рук вон плохо, даже писать не умею и читаю кое-как. Так что первым делом сыщи мне дьяка посмышленнее, и буду я каждый день грамоте учиться. А тебе стыдно должно быть, что потакал моим глупостям. И не тебе одному. Куда мой опекун, пока еще князь Меньшиков, смотрел?

– Сие мне неведомо, государь, а своей вины я не отрицаю. Только очень уж ваше величество характером... тверды.

– То есть, упрямый, как баран, – улыбнулся Пётр. – Сие в прошлом, камешек вовремя под голову мне подвернулся, похоже, всю дурь вышиб. Давай смотреть дальше. Ассирийская, Персидская, Греческая и Римская монархии, конечно, важны, но не то чтобы очень. Вот про походы Александра Македонского и про римские войны мне бы знать хотелось как можно больше. А для сего надобно латынь изучать, на одной книге твоего немца далеко не уедешь...

– Сестрица ваша, принцесса Наталья Алексеевна берет уроки латыни и весьма в этом преуспела. Можно учителя у нее забрать...

– Стоп, – хлопнул рукой по столу Пётр. – Сразу – забирать. Будет и меня учить вместе с сестрицей, вдвоем-то веселее, да и Наташа поможет мне быстрее латынь усвоить. Так что клади еще час на сей предмет.

– Как будет угодно вашему величеству.

– Про греков и римлян покуда ты мне будешь рассказывать, а потом, глядишь, и сам читать начну. А еще желаю я постичь историю государства моего, и не только правление моего деда великого, но и деяния тех государей, кои до него были.

«Похоже, заговорил я почти на их языке. Так ведь переводяга и есть переводяга. С русского на арабский-то потруднее будет, чем с русского на русский».

– Твоя воля, государь, только сразу и не соображу, кто мог бы тебе толково про российскую историю рассказывать.

– То-то ты ее в план занятий не включил. Думай, кто из наших мужей в истории разбирается.

Остерман задумался глубоко и надолго, потом просветлел лицом.

– Вспомнил, государь. Татищев Василий, Никитин сын, ныне член монетной конторы. Из Рюриковичей, но захудалых, княжеский титул семья давно утратила. А сам Василий к русской истории большую склонность имеет и даже собирается книгу об этом написать, да все времени нет: он только недавно в Санкт-Петербург вернулся, а до этого уральские рудники инспектировал, да за границу был посылаем – перенять горный опыт.

– Без него найдется, кому перенимать. Пиши указ: назначить Татищева Василия Никитича придворным историографом. И дабы ничем он не занимался, кроме написания истории государства нашего, да моего с сестрой обучения.

Пока Остерман, покряхтывая и поминутно утирая пот, составлял затребованную бумагу, Пётр осмотрел так называемую «библиотеку». Как он и думал, большинство книг были на немецком, следовательно, ему недоступном. Значит, придется либо библиотеку другими книгами пополнять, либо втихомолку самому немецкий учить. Только как?

Он взял в руки увесистый том и машинально прочитал название: «О знаменитых баталиях в Европе». Автор – какой-то Герман Гаусс. Ну, вот именно – вздохнул Пётр и собирался уже поставить фолиант на место, как до него ДОШЛО. Он только что спокойно прочитал название книги на НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.

То есть, в черепушке мальчонки, в тушку которого он влетел, кое-что осталось. Немного, правда, судя по тому, какую жизнь он вел, но тем не менее. Одной заботой меньше.

– Написал, государь, – подал голос Остерман. – Изволишь апробировать?

– Изволю, – легко согласился Пётр и... похолодел.

Как расписывался юный император, он понятия не имел.

«Ладно. Как говаривал еще не родившийся Наполеон, главное – ввязаться в бой, а там видно будет».

Пётр закрыл газа и, не отрывая пера от бумаги, что-то накарябал. Потом глянул.

Да-а... почерк, конечно, чудовищный. Но Остерман спокоен, значит, все более или менее в порядке. И что волноваться-то: чай, не указ о начале военных действий подписывал.

Тут как раз в дверь и постучали. Явились генералы-фельдмаршалы – по совместительству – члены Верховного Тайного Совета – князья Долгорукий, Голицын и Трубецкой. Все – пожилые, осанистые, на мундирах ордена... Хотя на Меньшикове побрякушек больше болталось.

– Счастливы лицезреть ваше императорское величество в добром здравии, – степенно промолвил князь Владимир Долгорукий.

– А то уже личико ваше забывать стали, – подхватил князь Иван Трубецкой.

– Ну, вот теперь наглядитесь вдоволь, – с улыбкой ответил Пётр. – Поскольку решили мы дважды в неделю на заседаниях Тайного Совета присутствовать. Какие дела на сей день накопились?

Молчание.

– Что, у Великой державы вообще никаких забот не имеется? – нахмурился Пётр.

– Имеется, ваше императорское величество, – со вздохом ответил Голицын, – только мы о них не ведаем. Поелику было распоряжение – все важные бумаги сразу князю Меньшикову отдавать – на его личное рассмотрение.

– А вы-то на что? – взвился Пётр.

– Не гневайся, государь, – вступился Остерман. – Меньшиков такую власть взял еще при жизни вашей покойной бабушки, ее императорского величества Екатерины Алексеевны, что никто с ним совладать не мог. Ее именем все дела вершил.

– Бабушка у меня одна – Евдокия Федоровна Лопухина, которая сейчас в монастырском заточении пребывает. И вот мой второй указ: повелеваю вдовствующую царицу Евдокию, что ныне старицею Еленой зовется, из монастыря освободить, с великим бережением в столицу доставить и разместить согласно чину. Как только исполните – доложите, я ее со временем навещу.

– Слушаюсь, ваше императорское величество, – отозвался Остерман, который уже прилежно скрипел пером по бумаге.

– Более при мне про Катерину Алексеевну не упоминать. Это первое. Второе: послать надежных людей во дворец ныне арестованного мною Меньшикова и изъять все – до последнего клочка! – бумаги, которые у него имеются. Писца поκληчьте, приказ написать, а то Андрей Иванович совсем запарился.

Лица верховников заметно просветлели: кажется, приходит конец всевластию ненавистного Меньшикова, теперь их время наступает, время Рюриковичей и Гедиминовичей. Но императора-то ровно за одну ночь подменили: то в рот Меньшикову смотрел и все его распоряжения исполнял, а теперь... ишь ты! Али узнал что-то про кончину своего батюшки?

– Осмелюсь спросить, государь, – решился Голицын, – вам стали известны подробности странной смерти вашего батюшки?

– При чем тут это? – нахмурился Пётр.

– А при том, – суровым голосом произнес Трубецкой, – что онный Меньшиков во время допросов вашего батюшку по лицу бил и всякими непотребными словами лял.

– Как это – бил? – опешил Пётр. – Как он осмелился?

– Тут история темная, ваше императорское величество, – прокашлявшись, тихо произнес Голицын. – Одни говорят, что батюшка ваш сбежал за границу, дабы не унаследовать трон,

а жить простой, мирной жизнью. Но были и доказательства того, что царевич Алексей Петрович злоумышлял против своего отца и желал произвести в России военный переворот с помощью австрийских и шведских войск. Толстому удалось уговорить царевича вернуться – государь-де все вины его простит...

– Простил, – мрачно проговорил Пётр. – То ли казнил, то ли тайно убил в темнице...

– Так, да не совсем, ваше императорское величество. После возвращения за тайное бегство и деятельность во время пребывания за границей царевич был лишен права на престолонаследие, но при этом ему было объявлено прощение при условии признания всех совершенных проступков. Царевич в своих показаниях постарался изобразить себя жертвой своего окружения и всю вину свалить на приближенных. Названные им лица были казнены. Но тут государю Петру Алексеевичу пришлось на ум допросить любовницу царевича – крепостную девку Ефросинью. Та, от страха перед пытками, выдала все замыслы любовника. А потом были найдены и письма, подтверждавшие вину царевича.

– И тогда его начали пытать? – внезапно севшим голосом спросил Пётр.

Он и сам не понимал, почему его так тронула судьба фактически чужого ему человека, но, наверное, мальчишка, в тело которого он попал, заочно любил отца и тосковал по нему. Фактически с раннего детства – круглый сирота, никому не нужный, то ли законный наследник престола, то ли сын государственного преступника... Не позавидуешь.

– На основании всплывших фактов царевич был предан суду и осужден, как изменник...

Несколько раз царевича пытали. Сломленный задолго до физических истязаний, он как мог стремился выгородить себя. Изначально Петр был склонен возлагать вину на мать Алексея, его ближайших советчиков и «бородачей» (духовенство), но за полгода следствия выявилась картина столь масштабного и глубокого недовольства его политикой в среде элиты, что о наказании всех «фигурантов» дела не могло быть и речи. Тогда царь прибег к стандартному ходу, сделав подозреваемых судьями и возложив на них тем самым символическую ответственность за судьбу главного обвиняемого. 24 июня Верховный суд, состоявший из высших сановников государства, единогласно приговорил Алексея к смерти.

– Мне нужно подумать, – медленно проговорил Пётр. – Подумать и посоветоваться...

– Осмелюсь просить ваше императорское величество еще об одном невинно потерпевшем: графе Петре Андреевиче Толстом и его сыне Иване, – вмешался в разговор Долгорукий.

– А с ними что?

– За несколько дней до смерти государыни-императрицы Меншиков уговорил ее подписать указ о заточении графа с сыном в Соловки – пожизненно.

– За что?

– За то, что открыто противился планам женитьбы вашего императорского величества на дочери Меншикова и ругал его непотребными словами.

– Вернуть! – закричал Пётр. – Его награждать надобно, а не в узилище бросать. Послать самых быстрых курьеров, освободить и доставит в Санкт-Петербург с великим бережением. Головой за это ответишь, князь Долгорукий. Андрей Иванович, распорядись немедленно.

– Слушаюсь, государь. А как быть с завещанием покойной императрицы, где она желает вашего брака с девицей Меншиковой?

– Мне плевать на то, что она желала, тем паче, что желал этого сам Меншиков, а его полюбовница чухонская была только подставной куклой.

Верховники переглянулись то ли с одобрением, то ли с изумлением: крутенок оказался юный император. Куда подевался тот ангельского вида златокудрый мальчик, который признавал только забавы, да охоту. И вино не пьет, хотя на столе пара графинов и кубки, и другим пить отнюдь не возбраняется. И трубку свою курительную куда-то задевал, даже не вспоминает о ней. Чудны дела твои, господи!

А дела завертелись действительно быстро. Нужные бумаги были написаны, отосланы, лакеи тут же накрыли легкий обед – не сидеть же весь день голодными, пока бумаги от Меньшикова привезут. Все, кончилось, кончилось наконец окаянное время, когда всем заправлял сын то ли конюха, то ли пирожника, капризом великого императора вознесенного на самые верха. Заигрался Светлейший, решил, небось, что он уже без пяти минут император. А в эти-то пять минут события вон как круто обернулись.

Знать бы еще, кто надоумил Петра, кто за ним стоит. Не может же мальчишка сопливый за одну ночь превратиться в разумного отрока, да еще с характером, почитай, дедовским.

Или – может?

Глава четвертая. Бумаги и люди

Пётр понял, что погорячился, когда во дворец привезли без преувеличения два воза бумаг. Хватило ума не разбирать их самому, а засадить десяток опытных дьяков за фильтрацию. Государственные бумаги – в одну сторону, жалобы – в другую, личную переписку в третью... ну и так далее.

Сам же Пётр, стиснув зубы приступил к выполнению личного плана самосовершенствования: честно проделывал утреннюю зарядку – слегка сокращенный курс молодого бойца – после чего обливался ледяной водой, завтракал и садился... за букварь. Частенько при этом напевая сквозь зубы: «кто не знает букву ять, где и как ее писать...».

Меньшиков тихо сидел в своем дворце и попыток вернуть себе так внезапно утраченные позиции не делал. Пока не делал. Но на всякий случай, по совету Долгорукого, Пётр отправил верный Меньшикову Измайловский полк в Финляндию, на шведскую границу. Во избежание, так сказать.

Верховники клялись, что остальные полки верны его императорскому высочеству и государственного переворота можно не опасаться. На всякий случай, советовали младшую дочь Петра – Елизавету – выдать замуж за границу. Не за короля, конечно, а за какого-нибудь королевского родственника, желательно, австрийца, поскольку с этой страной у России – крепкий договор.

Пётр же помнил из курса институтской истории, что союзником Австрия была фигОвым и подводила Россию где и как могла. Так что Пётр усердно искал подходящего жениха во всех Европейских домах. Пока на его письмо с брачным предложением руки принцессы Елизаветы отозвался только Герцог Людовик IV Генрих де Бурбон-Конде, еще далеко не старый и только что похоронивший супругу, так и не давшую ему потомства. Следовало снаряжать посольство во Францию и попытаться договориться на месте, пока веселая и жизнерадостная тетюшка не пустилась во все тяжкие.

Истинная дочь своей матери, что тут можно сказать. Впрочем, и папенька – великий Пётр – особо высокими моральными качествами не отличался. Так что яблочко от яблони недалеко упало.

Именины Петра праздновали весело и широко. Многих гостей Пётр видел впервые и Остерману приходилось шепотом подсказывать ему, кто есть кто. Принцесса Елизавета, признанная красавица, Петру как-то не показалась. Толстовата, курноса, глаза блудливые, как у кошки, груди вот-вот из платья выскочат. И что его предшественник в ней нашел? Нет, замуж, как можно быстрее и как можно дальше, пусть там перед заграничными кавалерами задом вертит.

А вот сестрица Наташа – совсем другое дело. Не слишком пригожа, но добра, умна, ласкова. И брата своего младшего, похоже, обожала. На празднике сидела рядом с ним и вся светила улыбкой.

– Петруша, как правильно ты сделал, что от Меньшикова избавился. Злой он, только о своей выгоде и печется, – шепнула она ему на ухо.

– Это только начало, Наташа. Я еще от него не избавился: перед этим его выпотрошить надобно как следует. Чтобы все наворованные миллионы в казну вернулись. Не вернет по-хорошему, придется по-плохому.

– И Лизку ты правильно решил замуж выдать. Ни к чему она тут.

– Мы еще на твоей свадьбе погуляем, – улыбнулся ей Пётр. – Время есть, сыщем тебе королевича прекрасного, чтобы жил у теплого моря в райских садах. А то врачи мне докладывают, что ты все время простываешь.

– Я замуж не хочу, – вспыхнула Наташа.

– Еще захочешь, когда в возраст войдешь.

– А ты на ком женишься?

– Ну, уж точно не на Машке Меншиковой, – расхохотался Пётр. – Хватит в нашей семье прачек, да служанок. Придет время – подберу себе иностранную принцессу, как наша матушка, царствие ей небесное.

– Вон еще одна красавица подрастает, – фыркнула Наталья. – Катька-то Долгорукова, глянь, все фамильные бриллианты на себя нацепила и с тебя глаз не сводит.

– Не выдумывай.

– Говорят, к ней какой-то австрийский граф сватается, да батюшка ее зело спесив и горд, не иначе, принца для своей старшенькой дожидается.

И тут Петр вспомнил: Екатерина Долгорукая, несостоявшаяся императрица, «поруганная царица». После того, как Меншиков в ссылке со всем семейством сгинул, Долгорукие юного императора быстро к рукам прибрали, в лучшие друзья ему князя Ивана Долгорукого определили, а Катю в постель подсунили. Напоили перед этим, кажется, до беспамятства...

Так, от Долгоруких нужно держаться подальше. Во всяком случае, не становиться закадычными друзьями со старшим сыном князя Алексея – Иваном. Понятно, что для того, прежде него, Петра, Иван был героем и образцом для подражания: ни одну юбку не пропускал, выпить мог столько, что остальные уже под столом валялись, а ему – хоть бы что. Ну, и охотник был заядлый...

Но прежде всего нужно дело с Меншиковым до конца довести. Он-то под домашним арестом, но улики против него в бумагах отобранных найдено – на возу не увезти. Вор, взяточник, умышлявший стать первым лицом в государстве. Царь Петр и за меньшее головы рубил... только вот сначала нужно деньги в казну вернуть. И план, как это сделать, уже почти готов. Вот закончатся именины – и начнут, с Богом.

Начались танцы, которые Пётр откровенно не любил. Во-первых, танцевал он плохо – и в прежней жизни ему это не слишком удавалось. Во-вторых, не терпел глупых барышень, которых приходилось приглашать, а без этого – никак. Приглашение же на танец почему-то расценивалось родней барышни, как первый шаг к алтарю. Размечтались.

Тут он увидел свое спасение от тягостной обязанности. Привезенная из богатого особняка, куда ее поселили после ссылки, бабушка, вдовья царица Евдокия, смиренхонько сидела в дальнем углу, никем не замечаемая. Да и кто она такая, в глазах придворных. Отвергнутая мужем жена, бабушка юного императора, который на нее и внимания-то не обращает. Ну, теперь все будет по-другому. Теперь бабушка Евдокия целыми днями будет лстивых гостей принимать... ежели пожелает.

Пётр решительно встал места и направился к царице Евдокии.

Вот, должно быть, была хороша в молодости! Да и сейчас хоть куда, несмотря на все испытания. Шестидесят скоро стукнет, а морщин на лице почти нет, глаза ясные, синие, зубы все целы... Впору ей самой жениха подыскивать.

– Как поживаете, бабушка? – ласково спросил Пётр, вопреки всем обычаям целую ее в щеку, а не в руку.

– Твоими молитвами, Петруша. Спасибо, что помнишь старуху, хоть и родился и вырос без меня. Гляжу на тебя – и Алешеньку своего вспоминаю. Только ты красивее удался, да смелее, как я слышала.

– Это чем же? – удивился Пётр.

– А Меншикова-то кто сшиб? Не побоялся ведь. И с чего твой дедушка к нему так прилепился, ума не приложу.

– Вот и я тоже. Да все бы ничего, не перегни он палку. И в доме его жить, и на дочери его жениться... Жирно будет. Сидел бы тихо – никто бы его и не трогал.

– Он никогда тихо сидеть не мог. Вечно Петрушу, дедушку твоего, царствие ему небесное, на всякие непотребства подбивал. Кто государя в проклятую немецкую слободу затащил? Он, Меньшиков. Кто ему полюбовницу свою подsunул, Монсиху зловредную – Опять же Алексашка. А там пошло-поехало. Мы со свекровью-покойницей все глаза выплакали.

И Евдокия привычно тихо заплакала.

– Все уже прошло, бабушка, – постарался утешить ее Пётр. – И обидчиков твоих накажу, и за батюшку отомщу тем, кто его погубил. Дай только срок.

– Сирота ты, как и сестрица твоя, а сирот всякий обидеть норовит. Ты уж поостерегись, внучок, не подпускай к себе иностранцев всяких, на своих опирайся. Лопухиных-то немного осталось. А все едино – верны тебе будут до последнего.

– Разберемся, – пообещал Пётр. – Сначала с Меньшиковым, потом с остальными. Вон князь Долгорукий, Алексей Григорьевич, шибко мне не нравится. Жаден да власти, как многие, только ума не хватает этого не показывать. Боюсь, и этот начнет мне свою дочку сватать...

– А ты не бойся. Княжну за кого-никого замуж поскорее спихни, князя Алексея отправь губернатором куда подалье, вот и не будет он тебе докучать, да ковы строить. Братья-то его, что родные, что двоюродные, поумнее будут. На них опирайся, да на Голицыных. Другие-то бояре за ними потянутся, я чай.

– Ну, бабушка, пора мне. Я тебя навещать буду...

– Постой, Петруша, главного не сказала, голова совсем плохая стала... Я тут невесту тебе сыскала...

– Какую еще невесту, бабушка?! Мне двенадцать годиков всего.

– А ей шесть лет, так что до свадьбы – глаза вытаращишь. Дочка она Екатерины, которую замуж за герцога Мекленбургского твой дед выпихнул, только она обратно в Россию сбежала. Матка-то ее, старая царица Прасковья, померла недавно, вот Катка и пустилась во все тяжкие: в Измайловском дворце пьет, да с мужиками разными блудит. Ты эту герцогиню-то дикую обратно к мужу отправь, а дочку ее объяви своей невестой. Посели отдельно, воспитательниц дельных приставь, учителей... К шестнадцати годам будет тебе жена разумная, на лицо пригожая, происхождения почти своего – русского, но принцесса. Чего по европейским дворам шариться, подsunут какую-нибудь негожую...

– Спасибо, бабушка, – с чувством сказал Пётр. – Я ведь про эту семейку и забыл совсем, а ей надобно заняться. Герцогиня Анна Курляндская пусть на Митаве сидит, а сестрицу ее я в Мекленбург вышлю. С девчонкой же разберемся. Ежели не дура, да на лицо пригожа, сделаю, как ты сказала, а как мне шестнадцать исполнится – обручусь с ней. И пусть хоть кто-нибудь слово поперек вякнет.

– Да кто ж посмеет, Петенька?

– Вот и поглядим, кто посмеет.

Во дворце его ждала «слезница Меньшикова», писанная его собственной рукой на высочайшее имя.

«По вашего императорского величества указу сказан мне арест, и хотя я никакого вымышленного перед вашим величеством погрешения в совести моей не нахожу, понеже все чинил я ради лучшей пользы вашего величества, в сем свидетельствуюсь неоцененным судом Божиим, разве может быть что вашему величеству или вселюбезнейшей сестрице вашей ее императорскому величеству учинил забвением или нерадением или в моих вашему величеству для пользы вашей представлениях, и в таком моем неведении и недоумении всенижайше прошу за верные мои к вашему величеству службы всемилостивейшего прощения и дабы ваше величество изволили повелеть меня из-под ареста освободить, памятуя речение Христа Спасителя нашего: да не зайдет солнце во гнев вашем.

Сие все предаю на всемилостивейшее вашего императорского величества рассуждение; я же обещаюсь мою к вашему величеству верность содержать всегда до гробу моего. Так же

сказан мне указ, чтоб мне ни в какие дела не вступаться, так что я всенижайше прошу, дабы ваше величество повелели для моей старости и болезни от всех дел меня уволить вовсе, как по указу блаженные и высоко достойные памяти ее императорского величества уволен генерал-фельдцейхмейстер Брюс.

Что же я Кайсарову дал письмо, дабы без подписания моего расходов не держал, а словесно ему неоднократно приказывал, чтоб без моего или Андрея Ивановича Остермана приказу расходов не чинил, и он к тому определен на время, дабы под образом повелений вашего величества напрасных расходов не было. Если же ваше величество о том письме изволите рассуждать в другую силу и в том моем недоумении прошу милостивого прощения».

В дверь в этот момент постучали. Раздраженный необходимостью разбирать словесные кружева бывшего генералиссимуса, Пётр рывкнул:

– Кто там еще.

– Принцесса Наталья Алексеевна к вашему императорскому величеству.

– Проси, – буркнул Пётр, остывая.

Что та могло у Натальи случится? Только что виделись на именинах...

– Петруша, посмотри, какое письмо мне Меньшиков прислал, – едва войдя, выпалила Наталья.

– Тебе?! – поразился Пётр. – Ну, значит, совсем созрел старик. Пора урожай собирать. Покажи письмо-то.

«Всемиловитая госпожа, великая княжна Наталья Алексеевна. Жестко маюсь за караулом в доме своем и ваше высочество всенижайше прошу о милостивейшем к его императорскому величеству предстательстве, дабы из-под ареста был освобожден и от всех дел уволен вовсе...»

– Пусть сначала деньги наворованные вернет, – мрачно сказал Пётр, – а от всех дел я его уже давно отстранил. Зря супруга его чуть ли не час в ногах у Елизаветы ползала, прощение супругу вымаливала. Лизка-то тут вообще не при делах.

– Каких делах? – не поняла Наталья сорвавшегося у Петра оборота из будущего времени.

– Не ей решать, кого судить, кого миловать, – спохватился Пётр. – А ты на письмо внимания не обращай, давай его мне, я к остальным бумагам добавлю.

А бумаг было много, и все – не в пользу бывшего Светлейшего. Но Пётр не собирался, как его «донор», рубить кошка хвост по кускам: то отправлять в ссылку с семьею своею в богато убранных каретах, заложенных каждая шестерней лошадей, то отбирать все до исподнего и отправлять на крестьянской телеге в стылый Березов.

Нет, нужно было провести сыск комиссией из высокопоставленных вельмож, и любыми способами заставить Меньшикова вернуть награбленное. И не только то, что у него по сундукам было запрятано, но и миллионы, распаханные по иностранным банкам.

Тут вот Пётр для себя решил: откажется Меньшиков вытребовать деньги из заграничных банков и вернуть в государственную казну, то применить к нему «восточное средство»: подвесить за ребро на базарной площади. Это мало кто выдерживал – доводилось Петру видеть в командировках, как бандиты пленных пытали. И не только бандиты. И не только пленных.

Вернет деньги – отправится в ссылку в Сибирь, в славный городок Березов, чтобы совсем уж историю России не переименовывать. Там пусть дочерей и выдает, за кого хочет. А сыну одна дорога – в солдаты. Один, без семьи, без денег не проживет. А в армии, глядишь, и выслужится до какого-нибудь чина.

Завтра, на заседании Тайного Верховного Совета он огласит свой план. А заодно повелит, чтобы ни единый грошик меньшиковский в чей-нибудь карман случайно не закатился. Наказание будет милостивым – мгновенное отсечение головы. Впрочем, насколько было известно Петру, в России и это средство не было радикальным. Все одно воровали.

Люди, назначенные верховниками, должны были уже подсчитать состояние опального князя. А деньги нужны – на армию, на флот, который при императрице Екатерине в совершенный заброс пришел и уже гнить начал. Воевать Пётр пока не собирался – подрасти сначала нужно, да жениться, чтобы считались не только с его титулом, но и с ним самим...

– Ступай спать, Натальюшка, – ласково сказал Пётр. – Незачем тебе голову забивать всей этой чепухой. Завтра у меня день трудный, а послезавтра поедем верхами кататься. К твоему любимому озеру.

Все-таки относится он к ней действительно, как к родной сестре. Читал когда-то что Пётр Второй очень свою сестру старшую любил, перед смертью ее звал, да все времени не хватало: то пьянки, то гулянки, то обручальные торжества...

Пётр взял в руки еще одну бумагу, только сегодня ему доставленную: письмо принца Морица Саксонского (претендента на Курляндское герцогство), пришедшее Меншикову аккуратно в день его ареста. Из этого письма открывалось, что Мориц обещал князю одновременно две тысячи червонцев и кроме того ежегодный взнос на всю жизнь по сорока тысяч ефимков, если Меншиков пособит ему получить герцогское достоинство.

И ведь мог не побрезговать – взять. Две тысячи червонцев тоже на дороге не валяются. Вором был, вором и остался, интересы России для него – пустой звук.

Пётр вспомнил, будто у Меншикова отыскалось письмо к прусскому королю, в котором просил себе взаймы десять миллионов талеров, обещаясь со временем возратить, когда получит полновластие. Оказалось тогда, что Меншиков, вымогая многое от разных лиц, злоупотреблял подписью государя и, заведя монетным делом в России, приказывал чеканить и пускать в обращение монету дурного достоинства.

Писал Меншиков и к шведам: хотя русские министры стараются, чтобы Швеция не приступала к Ганноверскому трактату, выгодному для Англии, но на это не следует обращать внимания; войско русское все у него, – Меншикова, в руках, а здоровье государыни Екатерины, тогда бывшей на престоле, слабо, и век ее продолжиться не может, и чтобы сие приятельское внушение Швеции не было забвенно, ежели ему какая помощь надобна будет. Кроме того открывалось, что Меншиков шведскому посланнику Цедеркрейцу в Петербурге объявлял о том же и взял с него взятку пять тысяч червонных, присланных английским королем.

Да, подумал Пётр, всеобщее мнение давно уже утвердилось, что Меншиков нажил состояние взяточничеством и казнокрадством. Теперь, после его падения, всплывало наверх многое, что прежде не смело показаться на свет.

Теперь самое время: никто бывшего Светлейшего, занесшегося сверх меры, не поддержит, все только топить будут. Да и знать не простит что, что ей столько лет помыкал простолюдин, волею императора вознесенный выше всех остальных.

Уже засыпая, Пётр даже подскочил: Шафиров! Вот кого нужно в Совет вводить незамедлительно. Да не просто так, а с секретным поручением: подобрать двух своих соотечественников-евреев, чтобы помогали царскую казну преумножать. Себя они, конечно, тоже не забудут, но у них способы другие, они не воруют – комбинируют, чтобы и государь был доволен и они в накладе не остались. Двое – более не надобно. И – тайно.

Меньшиков-то не зря барон Шафирова, президента Коммерц-коллегии и своего давнего врага отправил в Архангельск, якобы «для устройства китоловной компании». А на самом деле для того, чтобы воровать было легче.

И главное – батюшку оправдать, пусть и посмертно. Изъять из обращения все манифесты и приказать снова упоминать в молитвах, «яки невинно убиенного».

В общем, так оно и было. Вполне достаточно было в монастырь отправить, а не родную кровь проливать. Теперь, конечно, поздно, да и оправдать действия царевича Алексея можно было только диким страхом перед отцом, но все же...

Прокрутившись полночи, Пётр плюнул, выпил холодной воды и попытался расслабиться, как их учили в институте. Получилось.

А ночью ему опять приснились сирийские пески и приближающаяся к нему банда черных, зловещих людей. Во главе с дедом – великим императором.

Глава пятая. Судьба Светлейшего

Утро началось с приятного сюрприза: увлекшись утренней гимнастикой, Пётр машинально досчитал на отжиме до тридцати. Насколько он помнил, в первое утро появления тут в облике юного императора, он с трудом осилил пять раз. Значит, и остальные результаты улучшились примерно так же. Пора переходить к урокам фехтования.

Вообще-то заветной, но пока неосуществимой мечтой императора было создание школы русского дзю-до, а если точнее – самозащиты без оружия с добавлением всех лично ему известных приемов из разных стилей борьбы. Но сам он на роль сэнсэя, по ряду причин, не годился, а где этого сэнсэя искать? До Востока пока руки не дошли, дома бы разобраться.

Тем не менее, на заседание Верховного Совета Пётр явился в отменном настроении и повелел доложить ему результаты описи имущества Меньшикова. Он ожидал трех-четырех миллионов – не самосвалами же бывший Светлейший воровал, но в покинутых московских и петербургских домах, дачах и деревнях бывшего царского любимца было описано... на 250.000 одного столового серебра, 8.000.000 червонцев, на тридцать миллионов серебряной монеты и на три миллиона драгоценных камней и всякого мехового и тряпочного барахла.

Это не считая 90 тысяч крепостных, города Ораниенбаум, Ямбург, Копорье, Раненбург, Почеп, Батурин, имения в России, Польше, Пруссии, Австрии; 5 миллионов рублей наличными, 9 миллионов рублей в ассигнациях голландских банков, золотой парадной посуды, драгоценностей и прочего, прочего, прочего.

А ведь были еще счета в английских банках – это Петру было досконально известно. В результате получалось, что бывший царский денщик стал богаче, чем вся Россия в целом.

А ведь было еще «Дело о смерти цесаревича», в котором Меньшиков играл далеко не последнюю роль. Отрубить голову при этом было бы только справедливо, но недостаточно: рубить нужно было, как минимум, три головы одному человеку, перед этим колесовав, четвертовав и повесить. Но, как известно, человека можно казнить только единожды...

Когда Меньшикова ввели в зал заседания, верховники по старой привычке приподнялись было, но тут же плюхнулись обратно на сиятельные зады. Перед ними стоял исхудавший старик с потухшими глазами, одетый в скромное платье обычного мещанина. Никакого почтения, а уж тем более страха, этот человек не внушал.

– Ну, здравствуй, Данилыч, – начал Пётр, – давненько мы с тобой не виделись. Мне вот тут опись твоего имущества показали, не бедствовал ты, вижу. Только откуда все сие? Каким непосильным трудом нажито? Фельдмаршалы мои не меньше тебя трудились, а такого богатства и близко не нажили.

– Все милостями его величества, государя императора, – тихо сказал Меньшиков.

– И за что же такие милости? За то, что ты ему свою полюбовницу подарил или за то, что помог законного сына смертью извести.

– Над его высочеством цесаревичем Алексеем законный суд был учинен. Я был лишь в числе прочих...

– А по лицу моего батюшку тоже законный суд бил? – со зловещим спокойствием спросил Пётр. – Ты, холоп, смерд, осмелился руку на наследника престола поднять?

Меньшиков молчал, опустив голову. Собственно, говорить было нечего.

– А теперь мы тебя судить будем... законным судом. Но допрежь того ты напишешь поручение в лондонские банки, чтобы деньги, там хранящиеся, были тебе высланы незамедлительно.

– Лжа это, государь император. Нет там никаких денег.

– А если поискать? Посадить тебя, к примеру, в камеру с маленьким оконцем и каждое утро перед ним смерти предавать одного из членов твоей семьи? Начнем, пожалуй, с твоей свояченицы, Варвары Арсеньевой, эту колдунью горбатую давно надо было живьем сжечь.

Меньшиков заметно вздрогнул, но продолжал хранить молчание.

– Дочку твою старшую, которую ты в гордыне беспамятной мне в невесты прочил, отдать на потеху солдатам, которые Петропавловку охраняют. Выживет – ее счастье, так в Петропавловке и останется, крепостной шлюхой.

Меньшиков закачался и рухнул на колени.

– Пощади, государь. Дети-то не виноваты.

– Напишешь бумагу – пощажу. А если нет, то немного погода подвешу тебя за ребро на площади, и будешь висеть, сколько выдержишь. Когда же отдашь Богу грешную душу, наследник твой все бумаги подпишет, не сомневайся. Сынок-то у тебя жидковат будет супротив тебя.

– Лучше голову мне сруби, государь.

– Не тебе решать, что лучше, а что хуже, – внезапно оглушительно закричал Пётр. – Твое дело – мои повеления исполнять. А я повелеваю тебе написать бумагу в Лондон. Посадите БЫВШЕГО князя и дайте ему перо и бумагу. Пиши, Данилыч, ежели не хочешь, чтобы у тебя же на глазах младшую дочь в бочке с водой утопили, прямо на площади, пока ты на крюке корчиться будешь. Ну!

– Напишу... государь.

Меньшиков присел к столу и лихорадочно начал строчить пером по бумаге.

– И не юли. С этой бумагой мои люди в Лондон поедут. Если вернутся без денег: закончку ты неверную поставишь, лишнюю, али распишешься не так, то все, о чем я тебе говорил, сбываться начнет. Сначала казнь твою свояченицу – огнем казнь, Данилыч. А ведь она тебе еще и любовница много лет. А потом ты напишешь второе письмо, правильное, надеюсь. Если нет – придет черед твоей старшей дочери...

Внезапно Меньшиков скомкал лист бумаги и бросил его в сторону. Взял другой и стал писать медленнее, аккуратно выводя буквы.

Ну, собственно, Пётр так и думал. Удивительно только, что Меньшиков не подумал о последствиях. Ну, отторгует он себе таким образом месяца три жизни – и что? Все равно ведь сломается. Что и произошло.

Главное в другом. Мог ли бы он, Пётр, смотреть, как заживо сжигают человека? Или топят девчушку в бочке с водой? Пригрозить-то пригрозил – а дальше?

И внезапно с ужасом понял: смог бы. И Меньшикова за ребро подвесить, и супругу его кнутом на площади ободрать перед постригом в монастырь. Романовской крови в нем, оказывается, было еще предостаточно, а они ангелами не были.

Меньшиков закончил письмо простым росчерком и, бухнувшись на колени, подал Петру.

– Все без обману, государь. А ведь твой дед поверил бы... первому-то письму. А потом, глядишь, и забыл бы. И простил. Сто раз так бывало. Ты-то оказывается, мал, да умен, недооценил я тебя, прости.

– Бог простит, – холодно отозвался Пётр. – До возвращения моего человека с деньгами посидишь в Петропавловке, хватит дома бока отлеживать. Бабы твои пока по монастырям насельницами поживут, за крепким приглядом. А сына твоего... сына я, пожалуй, в денщики возьму. Пусть мне сапоги ваксит, а про княжеское свое достоинство навеки забудет. А вот это тебе – от меня лично за батюшку моего покойного.

И Пётр отвесил Меньшикову очень даже неслабую оплеуху. Сказались регулярные гимнастические гимнастические упражнения: Меньшиков кулем свалился с колен, а губы его моментально окрасились кровью.

Краем глаза Пётр заметил, что верховники взирают на все его действия не столько со злорадством – поделом выскочке! – сколько с ужасом. По-видимому каждый припоминал, какие за ним грешки водятся и как бы скорее вернуться по домам и все улики уничтожить – хоть бы и вместе с домом. Юный император оказался страшнее своего деда-самодура: тот просто палкой охаживал или приказывал голову отрубить. А этот – вишь что удумал. И такого матерого волка, как Меньшиков, заставил склониться и сделать все по императорской воле.

– Благодарю, государь, – прошепелявил Меньшиков, с трудом поднимаясь на ноги. – Рука-то у тебя дедовская, тяжелая. Да и характером ты в него пошел. Посмотрим, как у тебя с женским полом получится: покойный государь-то был падок на женские прелести.

– Спасибо, что напомнил, – отозвался Пётр. – Приказываю написать указ, чтобы никто из моих подданных, как бы ни велик был его титул, даже не помышлял о том, чтобы дочь свою императору в жены предложить. Сия затея смертью карается через повешенье, а несостоявшуюся невесту – в монастырь, навеки вечные. Уяснили ли сие?

– Уяснили, государь, – раздался нестройный хор голосов.

– А вот выходить замуж или жениться на знатных иностранных персонах – сие никому не возбраняется, с нашего, конечно, согласия. Кстати, слышал я краем уха, что у князя Долгорукого Алексея старшая дочь Катерина красотой своей славится, а австрийский граф Миллезимо мечтает на ней жениться. Быть по сему. Обручить в ближайшее время, а после Успенского поста – обвенчать. Князь Владимир, передай брату своему двоюродному мою волю.

Князь Владимир Долгорукий поднялся с кресла и чинно отвесил поясной поклон – по старинке.

– Благодарю, государь, за заботу. И повеление твое передам, и все исполним в точности.

Ну вот, еще от одной потенциальной невесты избавились. Теперь нужно этих вельмож делами государственными озаботить, а самому учебой крепко заняться, да на невесту малолетнюю посмотреть. Если не совсем дура и уродина – быть ей российской императрицей лет через десять. Только без тещи – теща пускай к муженьку своему отправляется. Герцогу Мекленбургскому.

Меньшикова увели караульные – в крепость. Остальным Пётр дал первый наказ: составить план переписи населения России, дабы налоги собирались не как Бог на душу положит, а «с души». Бабы и младенцы тоже считаются, хотя до сей поры их вообще в расчет не принимали.

– Так, государь-император, это же труд непомерный! Как их всех перепишешь, ежели они при виде солдат разбегаются?

– А солдаты-то тут при чем? – искренне поразился Пётр.

– А чтобы крестьян считать.

Пётр сделал несколько глубоких вздохов, чтобы успокоиться. Опять придется все разжевывать и в рот класть. Да, тяжела ты шапка Мономаха...

– А что, помещики не ведают, сколько у них крестьян имеется? Оброк-то, небось исправно получают и на барщину тоже без всяких солдат отправляют.

– Так тем управляющие занимаются.

– Вот пусть управляющие и составят полный список всех крестьян, принадлежащих их хозяевам. А потом список всей в губернскую канцелярию свезет, где всех губернских крестьян по этим спискам сочтут и единый составят. А уж губернские списки – в столицу. Тут и посчитаем.

– А потом? – робко осмелился спросить кто-то.

– А потом назначим налоги. Вот Шафиров из Архангельска вернется, мы с ним это досконально обсудим. Чтобы никто в обиде не был. На сегодня все, господа Совет. Вам – трудиться, мне – учиться. Теперь съездим в Москву на коронацию, а по возвращении встречаться будем

часто, дабы вы могли меня в науке управления государством наставлять. Да, чуть не забыл. Чтобы через неделю был готов новый указ о престолонаследии.

– А завещание вашего августейшего деда? – взвыли верховники.

– А похерить, – безмятежно отозвался Пётр. – Дет-то мой на престол желал тетушку Анну возвести, а что вышло? Ну тут, допустим, козни Меншикова – с него и спрос. Но отныне и до скончания века трон в России по-прежнему будет передаваться прямым наследникам мужеска пола по старшинству, а буде таких не окажется – дочерям, тоже по старшинству. За образец надлежит взять Англию, там все расписано по пунктам. Вот теперь свободны.

И, оставив Совет в состоянии полного оцепенения, Пётр вышел и приказал готовиться к отъезду в Москву – на коронацию. Большой свиты с собой отнюдь не брать, ехать на перекладных. Старшим в его отсутствие быть князю Голицыну, и за малейший просчет ему же и отвечать.

Через три дня царский поезд выехал на Москву. Пётр ехал в одной карете с Остерманом, причем карета была чуть ли не до крыши завалена бумагами. С каждой почтовой станции отправлялся курьер с подписанным императором новым указом.

– Вернемся в Петербург, – обронил как-то Пётр, – первым делом нужно ревизию флота провести. А потом армии. Пока светлейший себе карманы набивал, поди, все в запустение пришло.

– Все, да не все, государь, – отозвался Остерман. – На меншиковские деньги можно десяток добрых кораблей построить и оснастить, да и прежние в порядок привести. Теперь деньги в казне есть.

– Пока есть, – поправил Пётр. – Коронацию пусть проводят за свои деньги московское дворянство да купечество, я на это грошика медного не дам. Хочет Москва зваться Третьим Римом – пусть раскошеливается.

– Круто забираешь, государь.

– А я им соломки подстелю, – усмехнулся Пётр. – По приезде в Москву первым делом восстановлю патриаршество. И на царство венчать меня будет патриарх, как у предков моих было положено. Я не дед, православие чту.

– Мудро, государь, – только и смог сказать Остерман, который никак не мог привыкнуть к резкому изменению характера своего воспитанника. – Русь верою своею сильна, а не только армией и флотом.

– Вот и поедem сразу к Феофану Прокоповичу. Обиды старые забудем, а муж он ума острого, да и характера крутого. Будет подмогой в делах духовных. Прикажу ему в два дня патриаршество восстановить.

– Так он же его и разрушил!

– Пиши указ, Андрей Иванович, да отправляй курьером на Москву как можно скорее. Сам разрушил – быстрее восстановит. Да и нет у меня других духовников, которые иерархов церковных в крепкой узде держали бы. Только Феофан. Он наказания ждет за службу деду моему, так я его патриаршеством накажу. Пусть тянет сей воз, мне одному не осилить.

Через день после приезда Петра в Москву Священный Синод подал государю прошение о самороспуске, восстановлении в России патриаршества и дозволении избрать главой русской церкви архиепископа Феофана. Пётр потом не раз и не два спрашивал владыку, как тому удалось сие дело столь быстро решить, но тот только усмехался в смоляную бороду:

– Твоей властью, государь, да по воле Божией все устроилось.

Коронация Петра II в Москве состоялась в Успенском соборе Кремля. Чашу со Святыми дарами ему подал патриарх Феофан. Он же воздел корону на голову юного императора, а затем произнес приличествующую случаю проповедь, искусно обойдя само имя покойного отца нынешнего императора и не слишком возвеличивая заслуги его деда.

В заключение речи патриарх прочитал новый императорский указ о восстановлении монастырей и «пустынь» в России и о долге каждого православного подчиняться не только царь земному, но и царю небесному. Хорошо прочитал, с выражением. Народ, похоже, проникся.

Пир в кремлевских палатах устроили, как Пётр и пожелал, за счет богатого купечества и аристократии. Аристократия особого восторга не проявила, но уж купечество расстаралось. За что Пётр отблагодарил не только устроителей пира, но и все купеческое сословие: на год освободил от всех налогов. Пусть жирку нагуляют. Аристократам же преподнес другой сюрприз: всякий отрок благородного происхождения по достижении им десятилетнего возраста должен постичь грамоту и арифметику. После чего его судьба будет решаться специальным Приказом, который Пётр планировал создать по возвращении в Петербург.

Вообще-то можно было туда ехать уже с утра, по холодочку. Но оставалась еще одно дело, решать которое нужно было немедленно. Поэтому на следующее утро Пётр приказал оседлать лошадь, и поехал в Измайловский дворец, к герцогине Мекленбургской Екатерине Ивановне, которая там проживала вместе с малолетней дочерью, приживалками, шутами, шутихами, юродивыми и тому подобным народом.

Ехал знакомиться со своей возможной невестой, которая была моложе его на шесть лет. Ее мать, Екатерина Ивановна, дочь сводного брата императора Петра по его желанию в 1716 году вышла замуж за герцога Мекленбург-Шверинского Карла Леопольда. Этот брак был вызван политическими соображениями – Пётр хотел союза с Мекленбургом для охраны от шведов морского торгового пути. Предполагалось использовать портовые города Мекленбурга как стоянку для русского флота, а также обеспечить возможность продажи в княжестве русских товаров.

Политика, политика, ничего, кроме политики. Чувства новобрачных никого не волновали, а перечить Петру Первому – дураков не было. Согласно брачному договору, герцог обязался обеспечить своей супруге свободное отправление православной службы и выплачивать ей по 6000 ефимков денег в год. Петр I обязался, со своей стороны, содействовать завоеванию для герцога города Висмара, но обещание свое не выполнил – все недосуг было.

Раздражение герцог вымещал на супруге, изрядно ее поколачивая. Да та, к тому же, не подарила ему сына, так что престол теперь должен был унаследовать младший брат герцога. Расположение Петра к новому родственнику было недолгим – через год герцог попал к Петру в немилость. А еще через три года супруга сбежала от него в Россию, прихватив с собой малолетнюю дочь.

Мекленбургские порты были для России безвозвратно потеряны, а поскольку герцог Леопольд свой характер демонстрировал не только супруге, то вскоре после смерти Петра Первого был свергнут с престола своими же подданными и заточен в крепость. Формального развода не произошло, но супруги больше никогда не виделись.

Воспитанием принцессы Мекленбургской занимались мать и бабушка, вдовья царица Прасковья Федоровна, правда, недолго – скончалась через год после приезда внучки в России. После этого можно было уверенно говорить, что принцессу вообще никто не воспитывал: матери до нее не было никакого дела, а мамки и няньки после пяти лет были просто бесполезны. Елизавета-Христина, которую даже в православие не удосужились перекрестить, росла, как трава в поле: спала до полудня, ложилась, когда Бог на душу положит, ни одного языка толком не знала, а уж о хороших манерах оставалось только мечтать.

Тайной это ни для кого не было, поскольку при дворе принцесса и ее мать никому не были интересны. Жили они, как рассказывали Петру, в настоящем клоповнике: десятилетиями не знавшим уборки Измайловском дворце, изрядно обветшавшем, а кое-где и вовсе грозившем обвалиться. Нужды нет – герцогиня Екатерина первую рюмку выпивала, вставая с постели, а последнюю – перед сном. Живо интересовалась мужчинами, причем интерес этот

был отнюдь не платоническим, и ежегодно тайно избавлялась от нежеланного плода своих амурных утех. До дочери ли тут?

Пётр ехал лишь с двумя сопровождающими, посему его появление особого интереса первоначально не вызвало: мало ли кавалеров в гости к герцогине жалует? Коня принять было некому – разве что огромной хавронье, развалившейся в луже посреди захламленного двора. Н-да, картина маслом...

В сенях заспанный холоп глянул без особой доброты и просипел:

– Пуцать нонече никого не велено.

Пётр вполсилы отвесил ему оплеуху и осведомился:

– Что же так строго?

– Так гости у герцогини, – заныл холоп, стараясь отойти подальше. – Заперлись в опочивальне...

– Веди

– Убьет ведь герцогиня...

– А я – не убью? – ласково осведомился Пётр. – К твоей хозяйке сам император пожаловал, дурья голова. – Где опочивальня?

– Так по лестнице вверх и в правую дверь...

Дворец заметно ожил, но Пётр не стал дожидаться, пока очнуться все челядинцы дорогой тетюшки и, перешагивая через ступеньки, мгновенно оказался наверху. Правая дверь разлетелась от одного его прикосновения. А с широченной и довольно грязной постели кто-то зайцем метнулся к окну.

– Поймать! – приказал Пётр сопровождающим.

И пока те с азартом выполняли приказ повернулся к своей родственнице. Будущей теще, если Бог даст.

Глава шестая. Вшивая принцесса

Та, похоже, еще не поняла, что случилось, но, сосредоточившись, нырнула под одеяло и ахнула:

– Ваше императорское величество!

– Оно самое. Решил вот заглянуть, посмотреть, как живете-можете.

– Да вот недомогаю... Сил нет с постели встать.

От тетушки шел густой винный дух в сочетании с другими ароматами перезрелой женщины. Петра аж шатнуло.

– Вот, – ваше императорское величество, – доложил ему один из адъютантов, – поймали беглеца. Чуть-чуть не успел из окна сигануть.

– Злоумышленник в опочивальне герцогини? – нахмурился Пётр. – Повесить немедленно.

Голый и не слишком молодой «злоумышленник» рухнул на колени:

– Государь, смилуйся! Не злоумышленник я! В гостях туточки...

– С каких это пор в гости к замужним дамам без порток хаживают? – осведомился Пётр. – Тётушка, что это за персона?

Со стороны кровати не доносилось ни звука.

– Князь Трубецкой я, государь. Зашел госпожу герцогиню провести.

– Ты из меня дурака-то не делай, – нахмурился Пётр. – Мне, чай, не пять лет. Блудом сие называется. Так что приказываю: поместить под арест, ободрать кнутом на площади в назидание другим «гостям», а потом на год – на Соловки, грехи замаливать.

– Государь! – взывал Трубецкой. – Помилуй! Богом клянусь, никогда более... Да разве я один сюда...

– Еще интереснее. Значит, на Соловках тебе не скучно будет. Пока в темницу его какую-нибудь киньте. Пусть там список гостей герцогини составит. Позже разберемся.

Рыдающего князя выволокли из опочивальни. Герцогиня Екатерина по-прежнему не издавала ни звука.

– Это как же понимать, сударыня? – осведомился Пётр. – Среди бела дня, при живом муже полюбовников принимаете?

– Бес попутал, – пискнуло из-под одеяла.

– И часто он вас так путает?

– Да в первый...

– Не лгать мне! – рявкнул Пётр. – А то тоже с кнутом спознаетесь. Отвечайте правду.

– Да не считала я их, государь...

– Ничего, я сосчитаю. Прислугу допросим, охрану... А вы, сударыня, извольте собираться. Уезжаете отсюда немедленно.

– Куда, батюшка-государь?!

– В Ивановский монастырь, там игуменья построже прочих будет. Пригляд обеспечит – чтобы ни вина, ни мужиков. Каяться будешь. А потом к мужу отправишься.

– Да уж лучше в монахини!

– Монахинь и без тебя хватает, а герцогиня Мекленбургская должна в своих владениях пребывать. Совместно с супругом.

– Так ведь скинули моего дурака с герцогства-то.

– Собирайся, – жестко повторил Пётр. – Чтобы через час готова была. А у меня тут пока другие дела есть.

Из-под ног Петра с писком разлетались какие-то старушки, девки, монашки. Деревянная лестница, на вид вот-вот готовая рухнуть, трещала и скрипела. А юный император пытался

представить себе, что за дочь могла породить пьяная, толстая баба, которую он только что оставил в ее вонючих покаях.

Впрочем, невыносимо смердел весь дворец, так, что Петра даже немного замутило. Наконец его привели в боковое крыло второго этажа к посеревшим от старости и грязи двустворчатым дверям.

– Покои принцессы Елизаветы-Христины, – доложил лакей, одетый во что-то, бывшее лет десять назад ливреей.

– Она у себя?

– А где же нашей касатушке быть? У себя, вестимо, под неусыпным надзором.

«Сумасшедшая! – мелькнуло в голове у Петра. – Вот и все грандиозные замыслы о династическом браке и части территории Мекленбурга в приданное. Или обезножившая. Иначе с чего бы ее неусыпно караулить».

Двери распахнулись и Пётр оказался в полутемной комнате с наглухо зашторенными окнами. Приглядевшись, он заметил в углу кровать с балдахином, а в углу кровати – кого-то копошащегося в тряпье.

– Ваше высочество, – провозгласил лакей, – к вам государь-император пожаловали. Собственной персоной.

Копошение прекратилось, существо довольно резво поползло к краю кровати и съехало на пол на животе. Потом встало на ноги и Пётр от изумления чуть не сел на пол.

Перед ним стояла девочка, на вид лет шести. Немытая – это еще мягко сказано. Нечесаная, одетая в рваную ночную рубашку. Приплыли... Узрели будущую невестушку, красу неописанную.

– Как тебя зовут? – спросил Пётр.

– Елизавета-Христина, принцесса Мекленбургская. – неожиданно внятно ответила девочка. – Но муттерхен зовет меня Лизкой.

– А почему здесь так темно?

– Так ведь, государь-батюшка, от сглазу принцессу бережем, – зашепелявила невесть откуда взявшаяся старуха в черном. – От злых людей, от порчи, от нечистой силы...

– От свежего воздуха, – продолжил Петр. – Принцесса гулять-то ходит?

– Как можно, государь-батюшка?! А простудится дитя, с кого спрос? Нам же головы и отрубят, госпожа у нас гневливая.

– Дура у вас госпожа, – отрезал Пётр. – Отдернете занавески, да откройте окна, я приказываю.

– Дык ведь...

– Жить надоело? – рявкнул Пётр.

Шторы мигом отдернулись, причем некоторые в ходе этого процесса порвались, окна, плотно законопаченные, кое как расколупали. В комнату хлынул яркий солнечный свет и свежий воздух. Принцесса зажмурилась и звонко чихнула.

– Ну вот, – заголосила одна из бабок, – уже и простыло дите-то. Рази ж можно...

– Я император, тетка, – сказал Пётр. – Мне все можно. Даже тебя в окно выкинуть, ежели бубнить не перестанешь.

Бабка заткнулась.

Пётр внимательно поглядел на принцессу. Худая, замурзанная, но вроде здоровая.

– Принесите сюда лохань, горячей воды для мытья и мыла, – приказал он. – Да чистую одежду для принцессы.

Под непрерывный бубнеж старух, что «до чистого четверга грех мыться, боженька накажет, погубит дитя-то амператор» через какое-то время требуемое было доставлено. Только вот мыть свою будущую жену пришлось бы, как выяснилось, самому Петру: старухи отказались «опоганится» даже под страхом смертной казни.

– Девочек из прачечной сюда позовите, – приказал он.

В отличие от старух, девочки были сравнительно чистые, ничем, кроме здорового пота от них не пахло и повелению искупать принцессу они не удивились. Видно, в баню хаживали по субботам, а не только раз в год.

Елизавету-Христину освободили от ее лохмотьев, посадили в лохань и тут одна из девочек вскрикнула:

– Государь-батюшка, а что со вшами-то делать?

По темноволосой, изрядно засаленной голове девочки шустро ползали насекомые, причем в немалом количестве.

– Сначала отмойте принцессу, – сказал Пётр, с трудом скрывая брезгливость. – А потом цирюльника позовите. – Этот колтун надо убирать, одним мылом тут не обойдешься.

* * *

Через несколько часов Пётр скакал в Москву, прижимая к себе тщательно завернутую в чистую холстину куклу в белом чепчике с кружевами. Так теперь выглядела отмытая до скрипа и остриженная наголо принцесса Мекленбургская, его будущая супруга. Которая – слава Богу! – не оказалась сумасшедшей. Просто запуганным и брошенным ребенком.

Через некоторое время, освоившись с совершенно новым для нее видом передвижения, кукла ожила, задвигалась и заговорила весьма даже бойко.

– Когда бабушка Прасковья была жива, она меня всякую неделю в баню водила. Волосики расчесывала, травками душистыми мыла. Перед сном сказки сказывала... Мне хорошо было.

– А что ты такая худая? Голодом морили?

– Нет, я просто каши не люблю, а они в меня их пихали, да пихали. Пока я не осерчала и няню не побила. Та муттерхен пожаловалась, а она ей: «Да пусть жрет, что хочет». С тех пор я только пряники мятные, да орехи с изюмом ела. Вкусно...

Да, рациональное питание, ничего не скажешь.

– А что же ты в баню не потребовала тебя водить?

– Один раз потребовала. Так они меня чуть не утопили, кипятком ошпарили и полголовы волос выдернули, пока причесывали. Так-то спокойнее...

– Спокойнее ей... Ты принцесса, а принцесса вшивыми не бывают.

– А муттерхен говорит, что я – вражье семя.

– Дура твоя муттерхен, – в который раз за этот день сказал Пётр.

Он вёз Елизавету-Христину в Богородице-Рождественский женский монастырь, особо почитаемый на Руси. Но дело было не только в почитании. Игуменьей монастыря была матушка Ксения, еще не старая и еще очень красивая женщина, в миру – княгиня Екатерина Щербатова. Катюшу выдали замуж в шестнадцать лет, два года они с князем прожили в любви и согласии, но в одну неделю первенец княжеской четы родился мертвым, а князя унесла злая лихоманка.

Овдовевшая восемнадцатилетняя красавица отвергла все земные соблазны и постриглась в монахини, а затем стала игуменьей. Теперь ей уже было за тридцать, и она все реже видела во сне когда-то горячо любимого мужа, придворные праздники, пышные наряды. Зато была прекрасно образована и могла стать превосходным примером для маленькой принцессы. И учителей могла сыскать подобающих будущей императрице российской.

Игуменья Ксения к императору в приемную вышла почти сразу. Чай, не каждый день к ней такие персоны высокие заезжают. Да и умна была игуменья, понимала, что только очень важное дело могло привести молодого императора в женский монастырь.

– Благослови, матушка, – приложился Пётр ко все еще прекрасной руке, не иссушенной ни постами, ни ночными бдениями.

– Благословляю, государь, – негромко отозвалась игуменья. – И слушаю, какое дело привело тебя в сию обитель.

– Дело, матушка Ксения наиважнейшее – семейное.

– Никак жениться надумало ваше величество?

– Надумало, надумало. Вот и невесту тебе привез.

Бесстрастное лицо Ксении на миг выразило неподдельное изумление. Но когда Пётр экстрактно рассказал ей историю русской Мекленбургской принцессы и свои планы взять ее в супруги по совету бабушки, царицы Елены, лицо игуменьи просветлело.

– Веры-то она какой?

– А никакой. Крестили лютеране, на сем все и закончилось. Годовалым младенцем в Россию увезли.

– Значит, первым делом окрестить надо.

– Крестной станешь ли, матушка Ксения?

– Стану, государь. А в крестные отцы посоветую твоему величеству взять старого Лопухина. Родня все-таки, двоюродный дед герцогинюшки. Умен он, богат, свои дети давно подросли. А внуков пока Бог не послал.

– Так я тебе Лизавету оставляю – пусть сорок дней до крещения в монастыре побудет, попоститься, чему дельному научиться. А я пока о ее воспитании подумую.

– Все исполню, государь.

Елизавета-Христина все время просидела в углу тише мышки. Только на матушку Ксению все глаза проглядела.

– Пойдем, дочь моя, – подошла к ней игуменья и взяла за руку. – Государь-император своей милостью желает тебя в православии видеть и надлежащее принцессе воспитание дать. Поживешь пока тут, келейку тебе выделим, послушниц приставим. А после Успенского поста окрестим с Богом. Попрошайся с государем. Теперь не скоро увидите.

Елизавета неожиданно с плачем бросилась к Петру и обхватила его колени:

– Не бросай меня! Хочу с тобой жить.

– На все воля Божья, дочь моя, – ласково освободила игуменья Петра. – На крещении обязательно повидаетесь и потом видаться будете. Государь сам твоим воспитанием соизволил обещать заняться. Только и ты будь послушна и прилежна.

– Буду, – всхлипнула девочка. – И своего крещения буду ждать.

На улице Петра ожидали два его адъютанта.

– Из дворца вести прислали. Граф Толстой с сыном из ссылки возвращены ждут встречи с вашим величеством, дабы припасть к ногам с благодарностью. И Шафиров из Астрахани прибыл.

Вот она, царская жизнь! Вздохнуть спокойно некогда.

К Шафирову Пётр отправил гонца с приказом быть у него завтра поутру – обсуждать дела наиважнейшие. И то за один день вряд ли управятся. Надо еще Остермана позвать – Андрей Иванович человек умный, где нужно – подскажет, где Пётр ошибется – поправит.

«А ведь мне по тутошнему исчислению всего двенадцать годков, – усмехнулся про себя Пётр. – И ведь никто не удивляется, что сопляк эдакий важными делами занят – и не без успеха. Впрочем, они не удивлялись и когда этот мальчишка вино хлестал и девкам под юбки лазил. Император же... Хотя настоящим-то императором тогда Меншиков был».

Граф Пётр Андреевич Толстой вовсе не был сторонником воцарения Петра Второго. После смерти Петра Первого Толстой вместе с Меншиковым энергично содействовал воцарению Екатерины; он опасался, что воцарение малолетнего великого князя Петра Алексеевича, положит бы конец его карьере (поскольку он участвовал в аресте и пытках его отца царевича Алексея).

Однако ни высокое положение, занятое Толстым при дворе (он был одним из 6 членов вновь учрежденного Верховного тайного совета), ни доверие императрицы, ни изворотливость и опытность в интригах не уберегли Толстого от падения. Долго действуя рука об руку с Меншиковым, Толстой разошёлся с ним по вопросу о преемнике Екатерины.

План австрийского посланника Рабутина возвести после Екатерины на престол Петра Алексеевича, женив его на дочери Меншикова, получил горячее одобрение последнего. Но Толстой, опасаясь, что воцарение Петра II будет грозить жизнью ему и всей его семье, стоял за возведение на престол одной из дочерей Петра. Меншиков одержал верх, и 82-летний Толстой был приговорён к смертной казни, которую заменили ссылкой в Соловецкий монастырь. В день приговора он писал племяннику:

«По указу Его Императорского величества кавалерия и ипага с меня сняты и ведено меня послать в Соловецкий монастырь от крепости прямо сегодня; того ради, Борис Иванович, можешь ко мне приехать проститься, а сын мой Иван, я чаю, от печали не может приехать, а вас обоих ведено ко мне допустить... А более писать от горести не могу. Велите кафтан овчинный и более не знаю, что надобно. Впрочем, всем моим от меня благословение».

Именным Высочайшим указом, от 2 июня 1727 года, Пётр Андреевич Толстой и сыновья его лишены чинов и графского титула. Вместе с Петром Андреевичем в соловецкую тюрьму был отправлен и его сын Иван. Но проехать успели только часть дороги: юный император, к великому изумлению Толстого, не только простил его, но и повелел вернуться в столицу и далее *«служить, как деду моему служил»*.

Пётр рассуждал просто: если наказывать всех, кто имел отношение к смерти его отца, то добрая четверть аристократии может лишиться головы или отправиться в Сибирь. Он бы и Меншикова простил, да тот загордился и заворовался. Вот пусть за всех теперь и отдувается.

Граф Петр Толстой с сыном Иваном ожидали государя в малой приемной. Как были с дороги – в крестьянской одежде. Хотя... откуда им было знать, для чего юный император свой же собственный указ отменил? Может быть, решил для наглядности всем дедушкиным сподвижникам головы на лобном месте оттяпать? Времена такие – чего угодно можно ждать. А император юн, да и не своим умом живет – Светлейший им крутит, как хочет.

– Добро пожаловать, князь Пётр, – с улыбкой стремительно вошел в покои Пётр. – Хорошо ли доехали?

– Довезли... – уклончиво ответил князь, все еще не понимая, как судьба повернется.

– Титул графский тебе и твоим сынам я возвращаю, а на былых обидах крест ставлю. Бог тебя простит, а я простил...

– Государь, – только и сумел вымолвить граф Толстой и повалился императору в ноги. Следом за ним растянулся на полу и сын Иван.

– Ну, хватит. Княжич Иван, ты мне сегодня не надобен, езжай домой, порадуя родных. А с батюшкой твоим у нас разговор долгий будет. Долгий и секретный.

Иван снова отвесил земной поклон и удалился.

– А ты присаживайся, князь Петр Андреевич, – предложил Пётр. – Хватит уже коленки-то протирать.

– Не знаю, как и благодарить тебя, государь, за милость твою великую...

– Сейчас узнаешь. Годы твои, конечно, преклонные, и нелегко тебе будет исполнить мое поручение, однако, кроме тебя, никому его доверить не могу.

– Приказывай, государь.

– Как тебе ведомо, дед мой отдал свою племянницу Екатерину за герцога Мекленбургского, да что-то у них там не заладилось. Герцогиня вернулась в Москву с дочерью. А герцога родной брат с престола согнал.

– Дела семейные...

– Так-то оно так, но ежели я на принцессе Мекленбургской женюсь, то должен и о приданном подумать...

– На деньги не лъстись, государь, не заплатят, хоть и посулят златые голы.

– Вот и я так думаю. Дед свою племянницу в Мекленбург отправил, чтобы Россия пристойные порты на Балтике имела. Да не довел задуманное до конца. Посему хочу я, чтобы за принцессой дали остров Рюбек – в полное владение ее и потомкам.

Граф Толстой остро глянул на императора.

– А согласятся?

– А ты как думаешь?

– Добром – нипочем, ваше императорское величество.

– Значит, силой заберем. Призовем в союзники австрияков, да пруссаков и быстренько Мекленбург на части растащим.

Некоторое время в комнате царила тишина. Император и его «порученец» думали.

Глава седьмая. Дела государственные и дела семейные

– Рюген... – задумчиво начал Толстой. – Ничего интересного там нет, местные жители кое-как перебиваются с рыбы на овощи, но... Если по-умному переговоры повести...

– То есть?

– Найти брачный договор герцогини Мекленбургской с герцогом Леопольдом. Там обязательно должна быть «вдовья часть» прописана, причем не только в деньгах, но и земельных угодьях.

– Ну-ну...

– Угодья эти можно договориться поменять на остров, который нам нужен. А денежную часть объявить приданным принцессы. Немцы прижимисты, могут клюнуть. Им самим этот остров – сплошная головная боль: то и дело кто-нибудь отобрать норовит.

– А ежели и на это не согласятся?

– А армия-то у тебя на что, государь? Да и император австрийский, дядя твой по матушке твоей покойной, думаю, в помощи не откажет, если к нему за это юг Мекленбурга отойдет. А ежели твое императорское величество еще и прагматическую санкцию признает...

– Напомни-ка мне о ней, – приказал Пётр. – Меньшиков-то до опалы своей все государственные дела под себя подгрёб, мне и не сказывал, почитай, ничего.

Вот-вот, очень удобный предлог узнать, что это за санкция такая. Потому что про нее Пётр на самом деле слухом не слыхивал и понятия не имел, что это за зверь такой австрийский.

– Прагматическая санкция 1713 года – неторопливо начал Толстой, нимало не удивившись императорскому невежеству, – сие есть закон о престолонаследии в австрийской монархии Габсбургов, изданный Карлом VI, у которого не было наследников мужского пола, а лишь единственная дочь. Закон устанавливал нераздельность габсбургских земель, разрешал их наследование дочерьми монарха при отсутствии у него сыновей.

В доме австрийских Габсбургов не осталось наследника мужского пола, зато было пять принцесс: две дочери Леопольда I, две – Иосифа I и одна императора Карла. Поскольку Леопольд и Иосиф уже отошли в мир иной, наследницей должна была стать его дочь – Мария-Терезия.

В 1720—1724 годах Прагматическую санкцию признали сословные сеймы земель габсбургской монархии. Карл VI стремился ее утвердить на международном уровне и опубликовал ее текст 6 декабря 1724 года. Усилия, направленные на внешнеполитическое признание Прагматической санкции, фактически являются первыми шагами в становлении общеевропейской правовой системы. Карл VI последовательно добился признания санкции от других государств.

– Ну, так признаем, большое дело, – отозвался Пётр. – Родственников нужно поддерживать.

– То же самое я и твоему деду говорил, но ему все недосуг было, только отмахивался: «Потом!». А потом всем Меньшиков заправлять стал, ему и вовсе не до Австрии было.

– Хорошо бы еще принцессу Елизавету за кого-нибудь из знатного европейского дома выдать, – задумчиво сказал Пётр. – Мнится мне, что остались еще желающие ее на трон посадить вместо меня.

Лицо графа Толстого сохраняло безмятежное спокойствие, хотя он в свое время и высказывался в пользу Елизаветы. Да разве Елизавета вернула бы его из ссылки? И какая из нее императрица – незаконнорожденная девка, пьяным попом к материнскому подолу привенчанная. А Пётр... С ним, пожалуй, можно будет неплохо поладить, да и фамилии старинные он, сказывали, чтит, не в пример той же Елизавете.

– Я подумаю, государь. В Европе герцогов, да королей, что травы в поле. Найдем принцессе супруга с титулом, но без амбиций. И – с плеч долой.

– Так вот прошу тебя обоими браками и заняться, – решительно сказал Пётр. – Мне в приданое остров, а Елизавете ее матушка покойная приданое достойное оставила. Чай, в девках не засидится.

– Займусь, государь, живота не пожалею. Просмотрю все бумаги, письма нужные отправлю, людишек смысленных... Кстати, помимо Австрии у тебя еще союзники имеются: в Дании весьма довольны вашим воцарением. Они и в случае военных действий подмогу окажут.

– Действуй, граф Петр, мне одному тут нипочем не справиться. Только на членов Тайного Совета и уповаю, да на то, что флот и армия у нас воспрянут. Покойная-то императрица, упокой, Господи, ее душу, чуть было все в запустение не привела с полюбовником своим.

– А что прикажешь с герцогиней Мекленбургской делать?

– Поедешь посольством – отвезешь ее к муженьку, он разберется. Но принцессу Мекленбургскую ни под каким видом из России не выпускать и беречь пуще глаза.

– Все понял, государь.

– Ну, так исполняй. И доклады мне регулярно шли. Понадобится помощь какая – всегда помогу и деньгами, и людишками. Ступай теперь.

На следующее утро Пётр, никого не предупредив, отправился с визитом к Семену Андреевичу Салтыкову – персоне весьма влиятельной. При Петре Первом служил в Государственной Военной Коллегии, а 28 января 1722 года был произведен в генерал-майоры. По указу императора Петра I 8 января 1724 г., ему поручено было располагать вверенные ему полки на постоянные квартиры.

При учреждении Верховного Тайного Совета, указом 8 февраля 1726 г. Салтыков назначен был к присутствованию в Высоком Сенате. Произведенный 3 февраля 1727 г. в чин генерал-лейтенанта, Салтыков отплатил рекомендовавшему его Светлейшему черной неблагодарностью – по приказу императора отправился к Меншикову с объявлением ареста и указом о лишении чинов и орденов.

Во дворец от бывшего генералиссимуса Салтыков привез две кавалерии, Андреевскую и Александровскую. За точное исполнение этих поручений был произведен из гвардии майоров в подполковники Преображенского полка и назначен в Москву генерал-губернатором. Днями собирался туда отъехать на постоянное жительство.

Происходивший из старинного боярского рода Семен Андреевич Салтыков собирался порядок в старой столице наводить железной рукой. Взятки он не брал ни у кого и никогда, чем немало поражал современников. Такой-то губернатор Петру в Москве и был нужен.

Пётр подъехал к петербургскому дворцу Салтыкова, не докладываясь. Два гвардейца из Преображенского полка, стоявшие у входа в карауле, встрепенулись было, но, узнав императора, снова замерли. Пётр быстрыми шагами прошел в столовую палату, где большое семейство Салтыковых вкушало первую за день трапезу.

Завидев появившегося в дверях нежданного гостя, Салтыков ахнул, вскочил с хозяйского кресла и распростерся перед императором в земном поклоне. Домочадцев же из помещения как ветром сдуло.

– Ну, здравствуй, Андреевич, – весело сказал Пётр. – Прости, что завтрак твой прервал, да времени у меня мало – дела ждут наиважнейшие.

– Да помилуй, государь, честь-то какая! Может, не побрезгуешь моих хлеба-соли отве-
дать?

– А что, мысль хорошая. Я с утра только чашку кофию выпил.

Через десять минут грязная посуда со стола исчезла, как по волшебству вместе со скатертью, появилась новая, круто накрахмаленная, заставленная всевозможными яствами. Пётр действительно был голоден, поэтому отдал должное почти всему предложенному. Только от вина отказался.

– Не серчай, Андреевич, – сказал он, в ответ на очередное предложение чарки хозяином, – после того, как с лошади упал, вино видеть не могу. А водку – тем паче. Ну, да нет худа без добра. Дед мой и за себя и за меня, видать, выпил.

– Да разве ж я неволю тебя, государь? – тут же открестился Салтыков. – Тут на все воля твоя. Квасу, может быть, с погреба, али морса клюквенного прикажешь?

– От морса не откажусь. И кофе бы еще выпил. Разговор у нас с тобой долгий будет.

– Слушаю, государь.

– Хочу просить тебя быть крестным у одной моей родственницы. Да и тебе она не чужая – дочь герцогини Мекленбургской.

– Так она же в лютеранской вере крещена, – поморщился Салтыков. – Да и с сестрицами Ивановнами мы не больно близки...

– Про сестриц можешь забыть. Катерина Ивановна будет отправлена к супругу в Мекленбург, как и положено мужней жене.

Салтыков широко перекрестился:

– Слава тебе, Господи, отделались от срамницы. Мы ведь неподалеку друг от друга живем, дворян туда-сюда шастает и такое рассказывает...

– О сем забудь. По Измайловский дворец мы с тобой чуть позже переговорим. А вот дочка Катерины Ивановны в России останется. Воспримет православие и русские обычаи, хотя по титулу и останется принцессой Мекленбургской. Сейчас она в Богородице-Рождественском женском монастыре обретается, под крылом игуменьи Ксении. А как станет православной, так желаю я, чтобы ты ее в свою семью крестницей и воспитанницей принял.

– Я...

– Да, ты. Жена твоя, Долгорукая, рода знатного, о тебе и говорить нечего. Надобно будет сыскать принцессе дельных воспитательниц-гувернанток, чтобы иностранные языки и политес знали.

– Прости, государь, глупость мою, а зачем тебе все это?

– Через шесть лет я на ней женюсь, – просто ответил Пётр.

Лицо Салтыкова выразило целую гамму чувств: от неприкрытого изумления до спокойного понимания.

– Что ж, мудро придумал, государь. С одной стороны, девица знатного русского рода, никто морду воротить не будет. С другой – иностранная принцесса, но православная. Мудро, государь, мудро.

– С женой посоветуйся, она у тебя умна, может, что по женской части подскажет. Принцесса-то после смерти бабушки своей, царицы Прасковьи, в полном запустении жила, как сирота худая.

– Не изволь беспокоиться, государь. В нашей семье она не воспитанницей – дочерью родной станет. И образование получит, какое благородной девице полагается.

– Не просто благородной – высокородной. Но так, чтобы не мнила о себе лишнего. И место свое знала – супруги и матери, а уж потом – императрицы.

– Все понял, государь. Прикажете писать о принцессе?

– Да, каждый месяц мне лично, в собственные руки и секретно. То дело семейное. А теперь о другом поручении.

– Слушаю, государь.

– Измайловское гнездо развратное и зловонное – сжечь дотла. Только сады не трогайте. А на его месте надлежит построить дворец для летнего отдыха коронованных особ. Примерно такой.

С черчение у Петра всегда все было отменно и он быстро набросал контуры двухэтажного здания в стиле ампира с колоннами и львами у полукруглого крыльца, нарядным мезонином

и высокими, закругленными сверху окнами. Здание опоясывала терраса, но которую можно было выйти из любого покоя через «французское окно».

– Быстро ли строить прикажешь, государь?

– Быстро хорошо не бывает. Мне нужно, чтобы были паркетные узорчатые настелены, стены мрамором отделаны и искусной росписью украшены. Найди пока архитектора толкового, пусть проект составит и мне на утверждение пришлет. А ежели одобрю – начнем с Богом.

– Все сделаю, государь, живота не пожалею.

– Если угодишь – награжу по-царски. У тебя два сына, так ведь?

– Два, государь. Владимир и Петр. Оба поручики в Преображенском.

– Так я их майорами сделаю и лучших в России невест сосватаю. Чтобы был твой род одним из первейших, тем паче сам ты крестным императрицы станешь.

Салтыков собрался было снова в ноги падать, но Пётр его остановил:

– Дело надо делать, а не поклоны отбивать. Какой из сынов твоих более смышлен?

– Так оба не дураки, государь. В 1714 году дедушка твой Петрушу в гвардию на службу зачислили и отправили во Францию для изучения морского дела. Но, честно скажу, не кажется ему это, желает на суше служить.

– Пусть создаст с твоей помощью особый полк – Московский – который бы не только военную службу нес, но и порядок в городе сохранял. Справится – полковником сделаю. А брат пусть ему в помощь будет.

– Как изволишь приказать, государь.

– Позови сыновей-то, погляжу на них.

– Так на службе оба, государь, уж не гневайся.

– Я бы прогневался, ежели они баклуши бы били. Пусть на Водосвятие в Петербург придут и доложат о трудах своих. Доволен останусь – подниму выше по гвардии.

После визита к Салтыкову Пётр навестил свою «невесту». Елизавету он нашел посвежешей, присмирившей, и даже, кажется, чуток прибавившей росту и веса. Хотя сорокадневный пост, полагавшийся перед крещением, к этому вроде бы не располагал.

– Как наша воспитанница, матушка Ксения, – осведомился он, подойдя под благословение к игуменье. – Все ли хорошо?

– С Божьей помощью управимся, – уголками губ улыбнулась игуменья. – Девица с норовом, от обоих родителей, я чаю, унаследовала, но склонна смирять гордыню и строптивость. Обучается Священному Писанию, а заодно и русской грамоте. Молитвам, конечно. Остальному, полагаю, учить будем после крещения.

– Правильно полагаешь. Воспитываться принцесса будет в Москве, в доме своего крестного Салтыкова под присмотром его супруги – урожденной Долгорукой. Но воспитываться не как принцесса, а как русская девица благородных кровей.

– Не беспокойся ни о чем, государь. Я свою крестницу без внимания не оставляю: каждый месяц по три дня у меня в обители гостить будет. И на богомолья со мной ездить.

Царская карета уже мчалась во дворец – по первому снегу. Но у крыльца подскакал взмыленный курьер с донесением. Пётр нетерпеливо сломал печать, пробежал глазами текст и произнес совсем нехорошие слова.

– Что, государь? – подвинулся Остерман, никогда доселе не слышавший от государя столь витиеватых матерных слов. – Беда какая?

– Брат герцога Леопольда, отца Елизаветы, поднял мятеж и захватил престол. Братца – старшего, между прочим, упек в крепость. Не женат, детей нет. А законная наследница – принцесса Мекленбургская – в официальных бумагах даже не упоминается. Вот не было печали...

– Какой печали, государь? – засмеялся Остерман. – Наоборот, все идет прекрасно. Мекленбургом сейчас правит младший брат герцога, а законная наследница – принцесса Елизавета.

Вот составит граф Толстой нужные бумаги о том, что нынешний герцог может быть только регентом при своей племяннице...

– А он пошлет нас с этой бумагой куда подальше.

– И прекрасно, и замечательно! А мы – к Австрии, мол так и так, сироту, вашу родственницу обижают. Надо за нее вступиться, а за хлопоты Австрии дочь самого Петра Первого – в невесты с немалым приданным. Какому-нибудь троюродному брату императрицы.

– Но ведь это война!

– А ты как думал, государь? Но война маленькая, смешная даже. Тем паче, лет тридцать назад Мекленбург сам на две части раскололся – южную и северную. Но каждая из частей имеет свои правительства и собственные вестники для публикации законов и распоряжений. Так что нам не со всем герцогством воевать – лишь с его северо-восточной частью. А там Дания поможет.

– Сам черт ногу сломит!

– Ему не привыкать. А воевать мекленбуржцы и вовсе не приучены, в основном идут в наемники к другим правителям. Ультиматум России, дипломатическая (с угрозой военной) поддержка Дании, претензии Австрии, – и бери этот Мекленбург голыми руками. Ты же сам, государь, хотел войско обновить и улучшить. Вот тебе и повод – лучше не придумаешь. Да и флот можно испробовать – у острова Рюбек-то.

– И то правда, – повеселел Петр. – Ну, я войсками займусь, а вы с графом Толстым – делами дипломатическими. Вам не привыкать.

– Толстой сейчас носом землю рыть будет, дабы не впасть снова в немилость у вас, – негромко заметил Остерман. – Ему бы в помощь князя Долгорукого, Василия Лукича. Дипломат опытный, хитрый, изворотливый: сколько лет для нас Курляндию охраняет от чуждых посягательств.

– Кстати о Долгоруких, – вспомнил Пётр. – Выдал князь Алексей свою дочь за австрияка, как я наказывал?

– Кочевряжится, государь, – вздохнул Остерман. – Кричит, что его дочь для трона рождена, и что только за короля какого-нибудь выйдет. Ну, всем известно, что у князя Алексея гонору много, а ума – вовсе нет.

– Ладно, я князем я разберусь. Пиши пока черновики указов, кои мне в голову пришли – на Совет вынесем. Первый указ: простить крепостным давние недоимки, а сосланных на каторгу за неуплату налогов – освободить. Второе: запрещено отныне «для устрашения» выставлять на обозрение расчлененные тела казненных.

Третье: отменить «поворотный налог» – то есть подать с каждого прибывшего в столицу воза. Четвертое: князьям Трубецкому, Долгорукову и Бурхарду Миниху дать звание генерал-фельдмаршала, а последнему, кроме того, титул графа. Пятое: главнокомандующим русской армии является сам император, который сам выбирает персон себе в помощь. Успеваешь, Андрей Иванович?

– Когда ты, государь, это все успеваешь? – вытер Остерман взмокший лоб.

– Когда не сплю, – усмехнулся Пётр. – Передохни чуток да пиши помедленнее, ибо важно сие.

«В Малой России ко удовольствию тамошняго народа постановить гетмана и прочую генеральную старшину во всем по содержанию пунктов, на которых сей народ в подданство Российской империи вступил». Будет Малороссия подчиняться России по договоренностям, установленным на Переяславской раде. Все дела в ней передать в ведение иностранной коллегии».

– А кого гетманом думаешь, государь?

– Даниила Апостола. Его народ любит, а он к России тяготеет, ибо понимает, что без нас их Польша живо на куски разорвет и пожрет. А татары помогут. Будут опять малороссийских девок да парней по Черному шляху в Крым гнать. Да и сейчас гоняют, только зазевайся.

– Крым-то воевать не думаешь, государь?

– Думаю. Но рано еще, не готовы мы. Сперва европейские дела нужно уладить: со Швецией-то по сей день прочного мира нет, хотя на бумаге все вроде бы правильно написано.

– Да, нашего посланника там не жалуют, все больше турецкого милостями осыпают.

– Почему, как полагаешь?

– Да потому, что желает Швеция приписать России начало враждебного движения, начать войну и получить помощь от Франции и Англии. Никак не могут смириться с тем, что Выборг по Ништадскому договору русским остался. Да и на малолетство твое уповают, думают, что ты еще с мамками да с няньками в детской сидишь, а российские армия и флот в разоре пребывают.

– Вот я такой разор им покажу, мало не покажется, – сквозь зубы пробормотал Пётр.

Глава восьмая. Начало заговора

Следующие полгода для Петра прошли, как одна минута. С утра, стиснув зубы, занимался гимнастикой, увеличивая нагрузку до пределов возможности, потом завтракал и... нет, не садился за книги с Остерманом, как предполагал ранее, а скакал то в полки, то на верфи, где быстро строилось полтора десятка новых боевых кораблей. Правда, сам в каждую дырку не лез, с помощников спрашивал. А помощников сумел подобрать толковых.

Во время обеда, чтобы не терять времени попусту, принимал иностранных послов. Австрия с восторгом согласилась на предложение России получить в родственницы принцессу Елизавету. Надо думать, полмиллиона золотом приданного на дороге не валяются. Не для себя, так для близких родственников. Очень скоро был подписан брачный договор Принцессы Русской (так теперь именовали Елизавету) с Джаном Гастоне Медичи великим герцогом Тосканским, последним представителем рода Медичи по прямой мужской линии.

Со смертью Джана Гастоне бездетным династия Медичи пресеклась бы, а Австрии вовсе не хотелось терять свое влияние в Тосканском герцогстве, тем более, что с Джане Гастоном всегда было достаточно легко договориться. Договорились и теперь: четверть приданного Принцессы Русской Австрия получала за посредничество в заключение брака и за подписание соглашения о военной и дипломатической помощи, буде они понадобятся.

О Елизавете Петру больше незачем было беспокоиться: вся в приготовлениях к свадьбе, будущая герцогиня Тосканская и думать забыла о каких-то там любовных интригах с придворными и заговорах вокруг русского престола. О деньгах тоже можно было не волноваться: те средства, которые Меньшиков предназначал в приданое своей дочери с лихвой покрывали все потребности Елизаветы. Кстати, Пётр не поскупился, и щедро разделил драгоценности Марии Меньшиковой между своей сестрой и Елизаветой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.